

Владимир Жмыр, Юрий Хорунжий

Скифы

Юрий Хорунжий
Владимир Жмыр
Скифы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157218

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
1	5
2	12
3	16
4	23
5	30
6	35
7	41
8	48
9	53
10	63
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	68
1	69
2	75
3	81
4	87
5	92
6	98
7	107
8	119
9	122

Владимир Жмыр, Юрий Хорунжий Скифы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Прозвучал клич, и погнал царь грозовой клин
боевых войск за рубеж вод, где чужой край, и попра
л мир.*

*И срубил плот, и связал мост через пролив тот.
Э с х и л. Персы*

Казалось, сам светоносный Ахурамазда – бог, настолько мудрый, насколько и благий, – освятил это утро первого дня весеннего месяца вияхна¹. Солнце, не жгучее, а теплое и ласковое, залило Сузы², а утреннее уличное многолюдье сегодня превратилось в настоящее столпотворение.

Нежданный приход царских войск в Сузы вызвал множество толков. Одни говорили, что в Египте восстал наместник и собрал двести тысяч войска. Другие говорили: восстали не египтяне, а бактрийцы, и вражеское войско насчитывает не двести, а триста пятьдесят тысяч.

Так говорили люди, а царские наблюдатели, эти глаза и уши царя, которые при других обстоятельствах не допустили бы подобных разговоров, загадочно усмехались и как бы невзначай прибавляли от себя некоторые подробности. Все чувствовали – близятся важные события.

Но торговле это не мешало. Она с прибытием войска значительно оживилась. Сузанцы сочли бы непростительным грехом отпустить такое множество людей в поход с тяжелыми кошельками.

И сегодня воинство толпилось, пило, дралось, покупало, меняло и медленно, но неудержимо продвигалось волнами к центру города, к насыпному холму, туда, где возвышалась на 60 локтей ападана – летняя резиденция царя земли.

---

¹ Староперсидское название месяца, частично совпадает с мартом. (Здесь и дальше примеч. авт.)

² Один из центральных городов Древней Персии.

На площади перед ападаной, от которой спускались вниз два ряда каменных ступеней, разъезжали саки³ в кожаных островерхих шапках, с короткими мечами, а в глубине, вокруг холма, стояли латники-персы. По ступеням, на всех площадках ападаны прохаживались увешанные оружием бессмертные⁴ – гвардия царя. Их яркие желтые и оранжевые одежды, расшитые узорами и отороченные мехом барса, удивляли даже привычных к роскоши сузанцев.

Во внутренние покои шум города едва проникал. Там, в левой зале, сидело и стояло двадцать человек. Шел совет.

Сам Дарий, сын Гистаспа из рода Ахеменидов, царь Персии – под широким балдахином на троне, с жезлом в правой и маленьким пылающим рожком в левой руке. Два раба с опахалами и закрытыми белой тканью ртами стояли сбоку, недвижно – в зале было нежарко, даже немного прохладно. За рабами, на тронном возвышении, замерло четверо бессмертных персидской сотни, еще двое – внизу.

Тут находились участники переворота, когда семь лет назад, десятого дня месяца багаядиса, Дарий с шестью соратниками ворвался в резиденцию самозванного царя-мага и убил его.

Присутствовал, кроме того, мабед-мабедов⁵ Барт, а также

---

³ Азиатское племя, земли которого входили в состав Древней Персии.

⁴ Так их называли, потому что гвардия всегда имела постоянное число воинов – 10 тысяч. Отсюда видимость вечности, бессмертия царской гвардии.

⁵ Верховный маг. М а г и – жрецы в Древней Персии.

младший Ахеменид – брат Дария.

Совет длился уже два часа. Все присутствующие успели высказать свое мнение и теперь повторялись снова и снова, выжидаяще посматривая на Дария, который молчал...

– Поэтому, – продолжал Ахеменид-младший, – не будет никакой пользы от этого похода. Я уже говорил, что скифы нищие, не имеют городов. Наши воины останутся недовольные, казна пустой.

Командующий латниками Гобрий сидел на фоне крылатого льва с когтями орла, внимательно слушал и согласно кивал. Лицом своим, седой курчавой бородой он походил на изображенное за его спиной страшилище, однако речи говорил рассудительные:

– По-моему, не следует идти далее Фракии. Там укрепимся, и тогда под ударом будут не только скифы. Откроется прямой путь на Элладу.

Гобрий умолк. Казалось, он уже окончил, но внезапно заговорил снова:

– Не надо спешить. Соберем большое войско. Посмотрим, как к этому отнесутся греческие полисы.

Тогда резко заговорил мабед-мабедов:

– Пусть свидетелем моим будет всемудрый Ахурамазда, если я понимаю, почему мы так долго обсуждаем этот вопрос. Разве великий Заратустра⁶ не учит нас быть неприми-

---

⁶ Пророк и основатель религии зороастризма.

римыми, презирать язычников? Эти дикари, эти муравьи⁷ разбегутся перед непобедимым войском властелина властелинов. Нужно захватить, а еще лучше убить их царя, поставить другого, послушного. Пусть Ахурамазда приведет к счастливому концу дела рук твоих! – кончил маг, обращаясь исключительно к Дарию.

– Скифов надо проучить. Они стали слишком уж... Все народы платят дань Персии и прислушиваются к каждому слову царя царей, а они считают, что это их не касается. А неслыханно наглое письмо к царю царей? Как они осмелились на такую дерзость! – Видарна коснулся самого большого места Дария. Он вообще себе многое позволял. И хотя Барт всегда не соглашался и спорил с ним, теперь они были заодно, и это сыграло решающую роль.

– Значит, решено! – наконец произнес Дарий. – Через три дня выступаем, и пусть Ахурамазда рукой непоборной моей покарает скифов и уничтожит род их на вечные времена! – Царь прислонил жезл к трону и потер большое красное ухо. – Брат мой и те, кто левее Гобрива, вы остаетесь здесь, присмотрите именем Ахурамазды и царя за всеми, пока я буду в походе.

Солнце показывало полдень, когда на верхних ступенях появились две сотни бессмертных, и толпа глухо охнула. Сотни разместились на четвертой ступени. Между колонн показался Дарий со своей свитой и остановился между кры-

---

⁷ Согласно религии нечистые твари.

латыми быками. Восторженный гул на площади перешел в настоящий рев и неожиданно оборвался глубокой тишиной, когда на вторую ступень слева от Дария выступил глашатай царя. Все замерло, лишь рабы-евнухи ритмически раскачивали опахала. Движения их были изящны, артистичны.

Глашатай-египтянин, четко выговаривая слова, закричал в толпу:

– Я, Дарий, царь великий, царь Персии, царь страны, сын Гистаспа, внук Аршамы, Ахеменид из племени Парси. С давних времен мы знатны. Ахурамазда дал мне царство. И вот я посоветовался с Ахурамаздой и другими богами. Поэтому по справедливости вершу я, выступая с войском моим против скифов. Я уничтожу их, потопчу край их, пленю все рукой могучей своей. Эти скифы коварны и не чтят великого Ахурамазды. Я чту Ахурамазду и поступлю с ними по желанию моему. Ибо справедливый и правый, я и караю сурово. Пусть Ахурамазда дарует добрый конец делам рук моих!

– Йо! Ио, йо!.. – дико завывла толпа, и копья взметнулись, блестя клюгами⁸, и саки вздыбили коней, размахивая мечами.

Глашатаи еще много раз выкрикивали царское решение в городе и в опустевшем лагере возле восточных ворот. Сотни гонцов на рысях несли весть дорогами и тропами на север, юг и восток, на запад, по большому царскому пути...

А в Сузах, в пригороде, в лагере, на холмах, возле неболь-

---

⁸ К л ю г а – собственно копье, то, что насаживается на древко.

ших алтарей-очагов под открытым небом, в часовенках, где хранили огонь, в многочисленных храмах родовых и племенных богов, наконец, в царском храме – везде резали коз, били быков, коней, жгли мясо, готовили хаому – пищу богов.

Царь Дарий, весь двор, Барт, одетый в белоснежную сорочку до колен, подпоясанный позолоченным ремешком, в накинутом сверху пурпурном плаще с широкими рукавами, вступили в храм. Маги пели гимн воинственному сыну Ахурамазды, оку небес:

Митре, владеющему широкими пастбищами,
поклоняемся мы.

Правдивому, красноречивому, тысячеухому,
чудесносотворенному, десяти тысячеглазому,
высокому...

Барт, торжественно прямой, медленно поднимался к огненному камню, держа в левой руке чашу, а правой чуть придерживая крышку. Наконец он достиг вершины пирамиды и начал лить хаому в пламя. По храму разнесся аромат.

Он разжигает битву,
Он стоит среди битвы,
Разбивая ряды воинов... —

гремел гимн.

2

Второго дня того же весеннего месяца вияхна ранним утром из западных ворот Суз выехал отряд бессмертных.

Возглавлял отряд тридцатилетний Гаусана, сотник пятой персидской сотни. Кроме обычного снаряжения, имел он старательно зашнурованную сумку – в ней лежал приказ Дария вассальным грекам Ионии, Эолиды, Дориды⁹ и островов.

Только под вечер на четвертые сутки они прибыли в Эфес и прямо с дороги, в дорожной пыли, направились ко дворцу Продика, тирана города¹⁰. Гаусане весьма повезло. Продик отправлял тризну по своему умершему отцу, окончилось ристалище, и теперь гости возлежали за пищей и вином. В зале были и Гистией из Милета, и тиран Херсонеса, и другие ионийцы, эолийцы и островитяне. Гаусане не было нужды скакать дальше. Виночерпий второй раз обносил гостей, и пир еще не достиг того уровня беззаботного возлияния, которое необходимо достичь, чтобы в полной мере угодить богам и тени умершего.

Гаусана передал царское послание Продику. Взгляды всех гостей устремились к нему.

Дарий приказывал вассальным греческим городам снаря-

---

⁹ Поселения греков в Малой Азии.

¹⁰ Правитель греческого города-государства.

дить флот, всего 600 триер¹¹ и вспомогательных кораблей, а еще идти к Колхидонии над Босфором и готовить все, чтобы к приходу самого царя с войском можно было навести мост через Босфор.

– Недоброе задумал царь Дарий, говорю я вам, – прервал наконец затянувшееся молчание русский Мильтиад, тиран Херсонеса. – Готовится наступление на Элладу. Мы этого не должны допустить. Иначе конец надеждам освободиться от персов. Конец всему!

Продик нахмурился, и рыжая борода прикрыла ему грудь.

– Клянусь Зевсом, я не знаю, что тебе ответить. Но так оно и есть, как ты говоришь, уважаемый Мильтиад.

Потом откликнулся еще один из гостей, растерянно вертя пустую чашу.

– Но что мы можем? Я тоже обеспокоен наступлением на скифов. Греки Ольвии и Пантикапея издавна торгуют с ними. Скифы – это хлеб и скот. Но что делать?

Мильтиад гордо встрепенулся:

– Люди, собравшиеся здесь! Я вас спрашиваю. Не стыдно ли нам, сильнейшим и славнейшим среди греков, служить Дарию? Хватит! Клянусь богами Олимпа, время положить конец этому!

Возникло беспокойное молчание. Все понимали, что каждое слово, сказанное теперь, может многое решить. Каждый боялся сказать это решающее слово...

---

¹¹ Военное судно с тремя рядами весел и парусами.

Наконец Гистией из Милета, Гистией, который совсем недавно вернулся из Персии, начал говорить своим вкрадчивым, но четким голосом, который никак не подходил к его тучному телу.

– Понимаешь ли ты, Мильтиад, какой опасности мы можем подвергнуться? Недоброе советуешь. Разве будут считать нас смелыми, если, не обдумав и не рассчитав всего, мы выступим против Дария? Нет и еще раз нет! Не смелостью будет это, клянусь Аполлоном, не смелостью, говорю я вам, а безумием и безрассудством. Мы сослужим себе плохую службу. А торговля с персами? Нашу керамику покупают не только в Элладе и Скифии, но и в Великой Персии. Наши мастера-строители имеют заказы от персидской и мидийской знати, и казна городов наших всегда полна.

Гистией умолк и оглядел присутствующих. Продик сосредоточенно вглядывался в чашу, тиран Кизика рассматривал рисунок на подносе, правитель Самоса оправлял хитон – все были чем-то заняты, и только Мильтиад твердо смотрел на оратора.

– Поэтому, – продолжал Гистией, наклоняясь большим телом, – необходимо сейчас решить, кто сколько триер выставит, а не заниматься пустыми и вредными разговорами.

Все согласно закивали головами, и Продик, облегченно вздохнув, сказал:

– Пусть Арей¹² решает нашу судьбу!

---

¹² Бог войны (греч.).

– Некоторые считают, что зло может породить пользу, но есть люди, которые знают, что из посеянного зла вырастает только зло, – сказал, вставая, Мильтиад. Но его уже не слушали, и разговор принял деловой оборот. Каждый торговался об уменьшении своей доли, и только далеко за полночь, когда с этим вопросом покончили, разговор приобрел прежний характер.

3

В Сузах готовились к выступлению. Собирались обозы, пополнялись запасы скота, ячменя, пшена... В кожаные мехи наливали раданаку – маслянистую, легковоспламеняющуюся жидкость для светильников. Неподалеку от Суз раданака вытекала прямо из-под земли. Да мало ли забот у воинов, которые отправляются в далекий чужой край, где все неведомо и враждебно.

Хватает дел у приближенных царя царей: необходимо раздобыть греческие карты скифских земель. Оказалось, что карты почти пустые, с едва обозначенными пометками восьми рек и нескольких озер. Города и дороги на них вовсе не нанесены...

И только Дарий погрузился в непонятную дремоту. Почти не выходил из женской половины, а это значило, что никто из приближенных, даже Гобрий и Видарна, не мог с ним видеться.

Вот и сейчас царь Дарий возлежал на широком топчане, устланном пестрым ковром. Внизу, у самого пола, на подставке стояла амфора с терпким красным вином, сладости и сыр. Никого нет в полутемной опочивальне, ни один звук не проникал сквозь толстые, увешанные коврами стены. Иногда за пологом двери ухо улавливало легкие шаги слуг и стражи.

Дарий сдвинул немного на затылок белую войлочную ти-

ару и в который раз попытался понять, почему его тревожит предстоящий поход. Ведь он уже давно намеревался выступить против скифов, и с его согласия сатрап Каппадокии¹³ совершил набег на их земли. Но одна из жен отговорила Дария от похода и направила взор царя на Элладу. В результате под его руку подпал остров Самос. Это был значительный успех, его следовало развить. Но восстал Вавилон. Три тысячи знатных вавилонцев с обрезанными ушами и носами были распяты у разрушенных стен города.

Потом царь вновь вспомнил о скифах. Но не решился тотчас же выступить против них. И еще позавчера терпеливо выслушивал отговоры младшего брата. Слишком недоступной казалась эта земля. Однако мало ли недоступных земель покорил он, царь царей? Разве более доступен, скажем, далекий Египет?..

Теперь в стране покой и порядок. Умиротворены все двадцать сатрапий. Пусть некоторые называют его торгашом за то, что точно определен размер дани для каждой сатрапии. Ерунда! Сам Ахурамазда, который вручил ему эту землю, вселил такую мудрую мысль. Сила оружия и точное распределение дани умиротворили край.

Дарий медленными глотками отпил вино. Память унесла его в первый год царствования, когда он не знал покоя и ждал ударов отовсюду. Трудно удержать власть, труднее, чем за-

---

¹³ Подвластный Дарию край на южном берегу Понта Эвксинского (Черного моря). С а т р а п – властитель сатрапии.

хватить. Ведь тогда, семь лет назад, десятого дня месяца ба-
гаядиса, требовались только решительность, быстрота и сме-
лость...

Дарий любил вспоминать те дни.

Допив вино, царь слегка ударил чашей по узорчатому мед-
ному диску. Еще не растаял глухой звук, как полог двери
приподнялся и старший евнух выжидающе склонился у вхо-
да.

– Позвать царственную Федиму!

...Царь жестом указал на мягкое ложе, и Федима с до-
стоинством опустила у его ног. Стройный молодой стан
и плавные сдержанные движения, ухоженное лицо и полу-
сумрак опочивальни не могли ввести Дария в заблуждение.
Жена была ненамного моложе его. Ведь она знала еще Кам-
биса и перешла от него к Дарию по закону.

– Память потревожила былые дела, благородная Федима.
Поведай мне, как ты раскрыла нам подлого мага, присвоите-
ля власти?

Федима подняла на Дария слегка раскосые глаза и, раска-
чиваясь, заговорила хрипловатым голосом:

– Ты знаешь, доблестный повелитель, что после смерти
сына Кира, владыки Камбиса, я, как и все прочие жены ца-
ря, стала согласно обычаю супругой его брата Смердиса. Так
вот, когда минуло восемь лун, ко мне отец прислал раба.

Отец первым заподозрил неладное. Ведь новый царь,

Смердис, тот, кто называл себя братом Камбиса¹⁴, не выходил из дворца и не призывал никого к себе из знатных людей. Поэтому отец мой спросил меня, со Смердисом ли делю я ложе. Но что могла ответить я, которая никогда не видела Смердиса раньше? Тогда отец мой вновь прислал раба и велел мне спросить у других жен, брат ли Камбиса мой новый муж? Но и этого не могла я исполнить, ибо не встречалась ни с кем.

Снова пришел раб и передал мне такие слова: «Дочь! Твое высокое происхождение требует от тебя мужества в совершении опасного дела. Я думаю, тот, кто делит с тобой ложе и властвует, не Смердис, не сын Кира. Ты должна выяснить правду. Сделай так! Когда царь уснет, ощупай его уши, на месте ли они. Если ушей нет, то это не Смердис, а подлый маг, присвоивший его имя. Когда-то Кир приказал отрезать ему уши за непослушание».

Я пообещала отцу выполнить опасное поручение. И вот ночью в опочивальне царя при тусклом свете рожков я встала на ложе, прислушиваясь к звукам за дверью и дыханию рядом. Ведь если он не спит и узнает, что я замыслила, то жестокая казнь ждет меня. Сдерживая дрожь, просунула я руку под тонкую серую тиару. Меж спутанных волос нащупала ушное отверстие без раковины. Еще сильнее задрожало мое тело, я сделала над собой усилие, чтобы не кинуться

---

¹⁴ К а м б и с – царь Персии, его брат Смердис должен был наследовать царство и по обычаю всех жен.

прочь из опочивальни...

Дарий, который не впервые слушал рассказ Федини, уже не вникал в смысл слов, а вспоминал то славное время, когда он прибыл в город и присоединился к шести заговорщикам. Все решили, что самозванец должен смертью заплатить за позор жен Камбиса и за присвоение власти. Рвались немедленно исполнить решение, ибо с каждой луной власть самозванца укрепляется, а привлечение новых людей могло привести к раскрытию заговора. Тогда всех ждала жалкая гибель.

Дарий придумал безумный по смелости план: «Пойти во дворец открыто и даже шумно. Ведь стража не посмеет остановить столь знатных людей. А если их остановит сам страж дверей, тогда Дарий солжет, что прибыл, имея поручения от правителя Парси, своего отца Гистаспа. Где ложь неизбежна, там смело нужно лгать». Гобрий подлил масла в огонь, напомнив, что им, персам, не гоже оставлять власть в руках магов-мидийцев. Тогда все сразу после совета пошли во дворец...

Они всемером вошли в дворцовые ворота, и стража была полна нерешительности и почтения при виде столь знатных и доблестных господ.

Потом они наткнулись на вечно подозрительных и строптивых евнухов. Жирные бабы лица то искажались гневом: брань сыпалась на голову стражи, то изображали лживую почитительность, смешанную с подозрительностью: по какому

делу пришли господа... Три евнуха заслонили собой дверь, Дарий кивает Гобрию. Семеро пошли прямо на евнухов. На лицах первых решительность, на лицах вторых страх и растерянность. Блеснула сталь кинжалов.

...Наконец они побежали по коридорам, взволнованные, и от этого сделали лишний круг в мужских покоях дворца. Тут на шум выскочили двое. По одежде видно, что один из них самозванец. Он с луком. Второй, страж двери, копьем ранил двоих заговорщиков. Отец Федимы слева, Видарна справа, почти одновременно вонзили свои кинжалы в тело стража.

Самозванец, отбросив бесполезный лук, побежал на женскую половину, пытаясь запереть дверь. Гобрий всей тяжестью тела упал на дверь, Дарий услышал по ту сторону шум борьбы, в полумраке он разглядел два сплетенных тела. Он был в нерешительности.

– Бей! – крикнул ему с пола Гобрий. – Бей!

– Но я могу поразить тебя!

– Бей обоих, – захрипел Гобрий.

И бог Ахурамазда направил руку Дария в сердце врага...

Потом уже впятером – раненых оставили во дворце – они стояли перед знатнейшими персами с отсеченной головой мидийца-мага и рассказывали о подлом злодеянии и о своем подвиге...

Царь поднимает взгляд на давно умолкнувшую женщину и потирает ухо. Опочивальня полнится мглой. Дарий бьет в

диск и велит зажечь светильники. Федима недвижно сидит у его ног...

Когда после заговора немного улеглось волнение, начали думать об организации власти и решили определить царя жребием. Только отец Феди́мы, этот самый гордый из персов, отказался от жребия в пользу остальных:

– Не желаю я властвовать, но не желаю и быть подвластным. За отказ от жребия даруйте мне и моим потомкам право не подчиняться никому из вас, – сказал он.

И было решено – пусть живет, как знает, но пусть же ни он, ни его потомки не нарушают персидских законов.

Дарий опять направил свой взгляд на жену, сидящую у его ног. Все еще во власти прошлого, царь улыбнулся своей хитрости и находчивости конюха, принесшей ему жребий власти. Не прогоняя улыбки, он кивнул Феди́ме, которая тотчас пересела поближе к нему, на широкий топчан.

Кто знает, скоро ли они увидятся, ведь перс воин не берет в поход своих жен. И Дарию напоследок хотелось быть ласковым с Феди́мой...

Ольвийский ипподром раскинулся за городом. Колесницы, запряженные тройками, поднимали пыль, разбегаясь по полю, и круто заворачивали у живой изгороди. Возничие грели лошадей. В бронзовой пыли, висящей над ипподромом, синими и зелеными пятнами плавали хитоны ольвиополитов.

В третьем ряду сидел гончар Диамант и тонкой кисточкой рисовал на доске коней и колесницы.

Круглолицый человек с волосами, ниспадающими на плечи, сел рядом.

– Диамант надеется превзойти великого Эксекия¹⁵?

– Дай срок, Теодор. Ты первый придешь ко мне. И не будешь заказывать вазы и амфоры за морем.

– Ха-ха! Диамант! Боги недаром каждую минуту ссорятся между собой на Олимпе, а мы становимся их орудием. Мечи и щиты, копья и луки – вот товар, который всегда будет иметь спрос, пока боги не спустятся на землю.

– О да, ты мудрый торговец, Теодор. Но тень Орфея не оставит меня. Эта музыка, которая отовсюду звучит, прислушайся, Теодор. В каждом нашем шаге, в каждом движении нашей мысли она навеивает иное видение колесниц и коней. Присмотрись к рисункам Эксекия. Они плоские, бестелес-

¹⁵ Известный в Элладе рисовальщик на вазах.

ные.

В поле разворачивался ряд коней, разномастных, с подрезанными или буйными, как у львов, гривами, тонконогих и широкогрудых; их подгоняли длинными палицами бородастые ольвиополиты – люди различных занятий, а теперь просто возникшие, на повороте один бородач потерял равновесие, взмахнул руками, выпал из колесницы, кони остановились, повернули морды и растерянно заржали. Остальные пошли на второй круг. Мелькали хитоны, развевались борода, отплевывались ездоки, глаза застилала пыль, а между зрителями, именитыми ольвиополитами, царило спокойствие. Им, собственно, было безразлично, кто победит, все они имели лошадей и колесницы, поэтому каждый считал только себя достойным лаврового венка.

Но вот зрители уже спускаются поздравить победителя. Диамант подарил ему свою доску с изображением коней.

– Собираешься прославиться, мастер Диамант? – ухмыльнулся Теодор. – Нужно подружиться с тобой. Ты не откажешься после от старого дружка? – Теодор заглянул в глаза гончару, прикоснулся бородой к его шее.

– Оставь насмешки, Теодор. Я хочу сделать рисунок... как бы это тебе сказать... телесным, объемным! Ты выпиваешь вино, открывается дно чаши, а оттуда несется колесница!

– Ну нет, для меня это слишком. Без килика¹⁶ доброго самосского не понять. Пошли ко мне. Мой служба как раз при-

---

¹⁶ К и л и к – сосуд для вина (греч.).

готовил обед.

Теодор взялся за бронзовое кольцо дверей. Они нехотя подались. Когда глаза привыкли к слабому свету, можно было рассмотреть убранство покоев. Стены комнаты в шкурах. Угол занимало деревянное ложе хозяина. Посреди ложе для гостя. Два инкрустированных яшмой треножника.

Теодор с силой хлопнул в ладоши. Вбежал слуга.

– Помой гостю ноги.

Диамант снял сандалии, с удовольствием опустил ноги в деревянное корыто. Слуга, оmyв ноги, потер их оливковым маслом.

Разбавлял вино водой и наполнял килики. Теодор и Диамант хмелели каждый на своем ложе.

– Время жениться нам, Теодор!

– Да, помощница в хозяйстве и утешительница не помещает. Довольно уже ходить к подругам. А нравятся ли будущему Эксекию мои шкуры? Я выменял их на мечи и накопечники для стрел у скифов. Чудаки они! Только меняют. Денег не берут! Был в Ольвии оружейник царского кочевья и, думаешь, к кому он обратился?

– К тебе, подсказывает этот килик. Пусть тебе везет во всем! Скифы бывают и у меня. С ними выгодно иметь дело. Они щедры, когда речь идет о стоящих вещах.

– Молодой этот оружейник-скиф знает толк. Потрогай шкуру. Не какой-нибудь худородный волк – настоящий медведь. Подарил он мне мешок шерсти. Но я не остался в долгу

– ведь не в последний раз имею с ним дело. Положил ему на воз золотую фигурку их богини.

– Ты уже освоил и скифский пантеон?

– Я купил несколько статуэток. Пригодятся. Хотя та скифская шерсть и не стоит греческого золота, да пускай. Надо смотреть вперед и не жадничать. Варвары только недавно поняли, что такое золото, и поэтому ценят его вдвойне.

– Наша по... посуда пуста, Теодор, прикажи наполнить ее вином.

– Чего ты бухаешь столько воды, презренный? Жаль господского добра? Не разбавляй! Ведь как у них пьют? Не разбавляя-я!

После трапезы друзья решили прогуляться. Тяжело дыша, поднимались в верхний город, когда оттуда очень четко прозвучал скрипучий звук рога. На одной ноте, с небольшими интервалами звук повторялся. Они остановились отдышаться, и тревога отрезвила их. Этот сигнал означал только одно: в Ольвии произошло нечто важное, и коллегия архонтов созывает горожан.

– Смотри, Теодор, два ворона сидят рядом.

– Хорошая примета, Диамант. Но к чему вдруг сборище, когда близится ночь?

– Пошли быстрее к храму...

Храм Деметры, покровительницы Ольвии, поднимался возле единственной в городе липовой рощи. Площадь перед ним уже заполнили люди. Зажгли факелы. Дым обволакивал

капители, поднимался к фризу, где светло-красный Геракл вершил свои подвиги. Из храма выходили члены ольвийских коллегий, чинно размещались на трех массивных ступенях.

Старший жрец поднял руку с длинной палицей.

– Греки! Ольвиополиты! Щедрая Деметра в который уже раз встречает свою дочь Персефону на пути из подземного царства. Прорастает трава, деревья выбрасывают листья, играют звери, и птицы вьют гнезда. Но боги Олимпа посылают нам тяжкое испытание. Персидское войско приближается к берегам Понта Эвксинского.

Шум поднялся над площадью. Напрасно кричал жрец: «Слушайте, слушайте!»

– Пусть говорят стратеги!

– Слово жрецам!

– Персидское войско на берегах Понта!

– Я хочу говорить! Я хочу сказать! – кричал один из стратегов. И, когда немного стихло, начал: – Дуб и камыш поспорили, кто сильнее. Налетел страшный ветер, камыш нагнулся и остался целым. А дуб против ветра боролся, подставив свою грудь, и был вырван с корнем. Сколько имеет Ольвия воинов? Полторы тысячи мужчин и юношей в состоянии держать оружие. У Дария войско – тьма. Греки! Я считаю выход один – откупиться...

Заговорил архонт.

– Четыре года назад персы уже побывали на нашем побережье. Это был набег во главе с сатрапом Каппадокии. Царь

скифский Иданфирс послал Дарию письмо, в котором грозил отомстить за своего брата, взятого в плен. Я думаю, это письмо и вызвало поход. Теперь идет сам Дарий. Значит, это не набег, а война – долгая, до конца. Нечего и думать противостоять персам. Единственный выход, и это совет коллегии стратегов, выбранной вами, – выкуп. Предлагаю каждому внести по десять драхм.

– Ого...

– Это много...

– А что сделаешь?..

– Архонтам виднее.

– А что, если персы и деньги возьмут и нас в придачу?

Архонт продолжал:

– Дарий идет на скифов. Наше дело – сторона. Думаю, что его войско вообще нас минует. Но необходимо быть наготове. Выставить дозоры, прекратить всякие сношения со скифами.

– Я хочу говорить! – Это был ольвиополит, который добывал соль в лимане Гипаниса¹⁷. – Один человек бежал от преследователей. Прибежал к реке, но встретил волка и полез на дерево, которое нависло над водой. Но на ветке качалась змея. Тогда человек прыгнул в воду, но там его подстерегал крокодил... Так может случиться и с нами, если мы со всеми поссоримся. Скифы, слава богам, соседи, с которыми можно жить...

---

¹⁷ Г и п а н и с – Южный Буг.

– Я хочу говорить! Я хочу! – закричал Диамант, не дождавшись, пока кончит оратор. – Греки! Стыдно нам будет, и боги нас покарают, если мы предадим своих соседей, не предупредим об опасности. Оратор прав! Завтра с рассветом я поеду в степь к скифам.

Тогда слово попросил Теодор.

– Мой приятель Диамант собирается совершить угодное богам дело. Но найдет ли он скифов? Я найду их быстрее, чем Диамант. Я бывал у них не раз. И они знают меня и мой товар. Я исколесил чуть ли не всю Скифию и забирался даже к савроматам и будинам¹⁸.

– Пусть едет Теодор! – согласились все.

Теодор сдерживал радость. Начиналась большая война, скифам понадобится оружие, много оружия! Вместит ли воз Теодора все, что можно прихватить у ольвийских кузнецов? Вывезут ли трое лошадей столько железа? Мечи, шлемы, пики, дротики, панцири, конская сбруя... Все это понадобится скифам.

---

¹⁸ С а в р о м а т ы, б у д и н ы – соседские со скифами племена.

Уже третий месяц шло войско Дария. Скрипели кибитки на высоких деревянных колесах, запряженные мулами и ослами. Плыли обложенные поклажей горбы верблюдов. Пешие и конные двигались бесконечной вереницей, и к ним присоединялись новые и новые отряды, роды и даже целые племена.

Широкая, мощеная царская дорога не в состоянии была поместить на себе всех, и потому слева и справа вдоль дороги были вытоптаны все посеы и пастбища. Их хозяева роптали на бога, на людей, ругались, дрались, но потом, махнув рукой, присоединялись к войску и уже сами топтали чужие посеы и пастбища...

Купцы с разным товаром на маленьких повозках; бродячие знахари с деревянными ящиками или кожаными сумками, полными трав, толченого угля, мела, костей; стайки женщин – все это, захваченное войском, отставало, останавливалось, опять присоединялось и двигалось на закат солнца.

Казалось, что шумный поток этот ползет непрерывно, и так действительно и было, если смотреть на все войско. Но то тут, то там, на холмах или в оврагах можно было увидеть лагерь отряда или племени, где резали овец, жгли костры, спали, ели, молились... А мимо лагеря двигалось войско. И можно было отдохнуть день, два, три... А войско шло. По-

том лагерь сворачивался, присоединялся к общему потоку, а другой отряд или племя останавливались и могли передохнуть день или два.

И вот уже широкогрудые бактрийские кони вынесли ассирийскую колесницу Дария на холм, и он увидел пролив Босфор и два его гористых острова и греческий флот – все 600 триер, разместившихся вдоль берега. Греки тоже заметили колесницу Дария и большой отряд колесниц, который остановился позади царя, и сотни бессмертных, выезжавших на холм.

Дарий с советниками и двором принял греков милостиво. Царю была приятна возбужденность греков, он догадывался, что причиной тому – впечатление от мощи персидского войска.

После церемонии приема начался деловой разговор. Гистией ручался, что штиль будет минимум двадцать дней, и поэтому решили завтра же приступить к строительству моста...

– А эти греки молодцы, деловые люди, – говорил Дарий Гобрию, когда после приема в просторном шатре царя собрались на трапезу только избранные. – И главный... как его?

– Гистией, – подсказал Барт, пережевывая жареную телятину.

– Да, – вмешался в разговор молодой Видарна, и Барт недовольно кашлянул. – Но, к сожалению, они не все такие. Мне докладывали, великий царь, что некоторые не хо-

тят твоей победы. Например, Мильтиад из Херсонеса...

– Пустое, – вдруг оборвал его Гобрий, – пустое, сплетни.

Гобрий терпеть не мог придворные интриги, презирал за них Видарну. Сейчас он опасался, что очередная сплетня начальника бессмертных затормозит работу на переправе.

Они сидели среди смоляных факелов, пили вино. Тонко пели женские флейты, им вторили глухие удары и хрипловатые вздохи мужских флейт. Потом в музыку вплелись плавные движения танцовщиц. Всех опутал сладостный туман пира.

А утром с холма Дарий смотрел вниз на кучи плотов. Царь видел, как рабы под надзором греков забивают в берег толстые сваи, как выгружают с кораблей канаты, как вяжут плоты, как буквально на глазах в Босфор врезается широкая лента моста, как эта лента шевелится на легкой волне. А на земле из-за горизонта шли войска. И Дарий чувствовал себя могущественным и всевластным, уже не царем и даже не царем царей, а подобным богу. Но Дарий знал и другое. Знал, что без греков-ионийцев он не в состоянии выйти в Европу, знал, как необходимы ему греческие триеры и греческие строители. Сейчас необходимы против скифов, а еще нужнее будут потом, когда... Но сегодня Дарий не признался бы в этом даже осторожному Гобрию. Да, конечно, Дарий мечтал об Элладе. А дальше лежали еще земли и моря. Для этого необходимы были те же греки – и Гистией, и Мильтиад, и другие. И не потому Дарий чувствовал себя равным богу,

что все мог свершить, нет. Он знал, что в состоянии принудить людей делать то, чего сам он сделать не в силах.

«Что же заставляет людей быть послушными мне, – думал Дарий. – Ведь я сам не владею особенной силой. Но почти все исполнится по приказу моему, все подвластно воле моей. Только великий бог Ахурамазда может свершить такое. Его дух дал мне силу и славу. И я не обману высоких ожиданий. Пусть ум мой будет быстрый, а рука твердой и недремной!»

Внизу от берега отходили триеры, чтобы позже мост не преградил им путь. Четыре плавали возле моста, поочередно придерживая передние плоты, пока подводили и привязывали следующее звено – течение становилось все сильнее.

Дарий еще долго следил за всем происходящим внизу, пока Видарна не сообщил ему, что в шатре все готово к совету.

Это был короткий совет. Дарий определил задание грекам. После постройки моста им следовало плыть, через Понт к Истру¹⁹ и там, в дельте, найти удобное место для еще одного моста.

Когда греки ушли и остались только придворные советники, полководцы и Барт, Видарна начал докладывать о поступлении налогов из сатрапии.

Оказалось, что там не все благополучно.

Дарий нервно тер правое ухо, а Барт начал говорить сразу же после Видарны.

– Мы разрешили им всяческие вольности. Они молятся

---

¹⁹ И с т р – Дунай (греч.).

всякой погани. Надо разрушить их языческие капища. Пусть царь вспомнит учение Заратустры, тогда сатрапии не решатся нарушать приказы властелина.

Царь же думал о том, что ему не следует быть чрезмерно суровым с сатрапами, начиная это сложное дело против скифов.

– Повелеваю послать гонцов в земли мои, в Киликию, Лидию, Мизию, Вавилон и Индию. Пусть в письме будет предостережение сатрапам. И еще послать гонца к брату моему. Приказываю ему своей властью покарать секретарей этих сатрапов. Пусть сделает согласно обычаю: обрежет им уши и носы и привяжет на столбах возле центральных, ворот, чтобы люди видели мою власть и твердость руки.

Наконец мост длиною в четыре греческие стадии²⁰ был готов, и первые из множества тысяч воинов Дария вступили на землю Европы. Перед ними раскинулась Фракия. Одновременно через Понт двинулся греческий флот. Все фракийские племена, кроме гетов, перешли на сторону Дария. Но и гетты оборонялись недолго.

Движущаяся лента войск, перешедших Босфор, вскоре достигла Истра. Недалеко от моста, где река делится на два рукава, был построен еще один мост, и огромная вооруженная масса, не знающая чувства жалости, не знающая никаких других законов, кроме закона силы, вступила на левый берег.

---

²⁰ Стадия – 192 м.

На берегу Борисфена²¹ съехались цари скифов-сколотов²². Не ставя шатров, развели костры невры – из их края вытекает Борисфен. За холмом, на видном месте, расставили свои возы меланхлены, на расстоянии двухсот шагов их нельзя было различить из-за темной одежды.

Обособленно разбили лагерь посланцы андрофагов²³. А может быть, это остальные теснились подальше, напуганные рассказами о жителях холодного края?

Вслед за савроматами подошли тавры, и совет был назначен на завтрашнее утро.

Между пестрым людом на берегу Борисфена выделялись двое в деревянных сандалиях и свободных плащах. Они бродили по лагерю сколотов между вооруженными людьми, между кострами и войлочными кибитками на телегах.

– Теодор, клянусь богам, мне тут нравится, – кричал один. – Смотри, амазонка!

– Хорошо! – вторил толстый, с жирными волосами, хитро шурился, поймав рукою бороду и поглядывая на свою телегу, уже освобожденную наполовину от мечей и пик. К ним подошел молодой сколот с редкой и мягкой бородой.

---

²¹ Б о р и с ф е н – Днепр (греч.).

²² С к и ф ы – греческое, с к о л о т ы – самоназвание.

²³ А н д р о ф а г и – людоеды (греч.).

– Прошу, прошу, друг Аспак! – закричал Теодор. – Понравились ли царю Скопасису мои дротики и мечи?

– Уважаемый купец, с твоим оружием можно обойти весь мир. Приглашаю тебя и твоего приятеля к моему костру. Будьте гостями и братьями!

Диамант и Теодор не заставили себя приглашать дважды. Взяли за ручки амфору и, кряхтя, пошли за оружейником.

...Утром вожди и старейшины сколотов собрались возле высокой кибитки царя сколотского племени паралатов Иданфирса. Их окружали посланцы соседних племен. Иданфирс, уже немолодой, но стройный и, видно, недюжинной силы, старался говорить спокойно:

– Надвигается войско персов на степи ваши и наши. Греки-ольвиополиты привезли нам весть, а воин-гетт, который спасся от персов, подтвердил их слова.

Гибкий, как лоза, гетт стал перед царями и послами. Он ударил себя в грудь и провел ладонью по горлу, упал на колени и рукою пригнул себе голову, потом поднялся с криком:

– Дарий! Истр!

– Слышите? – Иданфирс взглядом обвел всех. – Скоро Дарий будет здесь. Большое войско у него, если удалось покорить все племена противоположной суши и заставить поднять против нас оружие. Но не думайте, что мы погибли. Ведь наши прадеды били персов в Мидии и собирали дань там не одно лето. Так противостояем же дружно нападению, соседи!

На средину вышел посланец агафирсов и, позванивая золотыми украшениями, молвил:

– Дарий идет на сколотов. Если бы они прежде не задели персов набегом на Мидию, то сегодня мирно пасли свои стада. Они без нас нападали на Мидию, пусть сами обороняются теперь. Мы не трогали персов, и персы не станут трогать нас. Они не пойдут за Порату²⁴. Они двинутся к Борисфену.

Выступил тавр, заросший до глаз.

– Если перс пойдет на мой край, мы не останемся в долгу. Пусть попытается сунуть нос в Таврию, в наши горы! А сейчас нечего нам с ним воевать.

И тогда от савроматского посольства отделилась царица савроматов Пата – на вороном, в светлом плаще, колчан на левом боку полон стрел. Многие из приезжих засмеялись, поняв, женщина хочет говорить на совете вождей.

– Сколоты думают верно, – начала Пата. – Когда сколоты властвовали в Мидии? Возможно, и было. Найдется ли сейчас хоть один человек, который видел это и может подтвердить? Только умершие могли бы подтвердить, так было или нет. И персы едва ли помнят об этом. Если бы речь шла о мести сколотам, то зачем Дарий затронул фракийцев и геттов? Та же участь постигнет и нас, если мы будем отсиживаться в своих домах.

– Воюй, женщина, если ты такая удалая. А мы поедем к своим родам, – так ответил атаман невров, закованный в же-

---

²⁴ П о р а т а – Прут.

лезо, и его спутники зазвенели железными браслетами.

– Тавр за всех сказал, – добавил от себя старейшина меланхленов в черном тулупе до пят.

– А мы... за вами, – выдушил из себя угрюмый андрофаг.

И тогда заговорил светлоглазый будинский вождь:

– Будины и братья наши гелоны обещаем царям сколотским и царице савроматов свою помощь! Наша женщина-будинка замужем за Иданфирсом, и мы не бросим ее детей в беде!

После отъезда несогласных Иданфирс приказал принести большой глиняный сосуд с вином. Ножом надрезал десницу, подержал над сосудом, чтобы в него пролилось несколько капель крови. Цари племен сколотских сделали то же, передали сосуд савроматам, гелонам и будинам. Сошлись вместе возле поставленного на камень сосуда и омочили свои мечи в нем.

– Пусть союз наш будет крепче этого напитка, а для перса страшной молнии в чистом поле. – И, зачерпнув золотым рогом вина, Иданфирс отпил и пустил его по кругу.

– Да будет так, – сказал длинноногий Скопасис, царь катиаров.

– Мы с вами, – отозвался царь траспов.

Иданфирс снял шлем и отбросил назад волосы, будто освобождаясь от тяжелой думы:

– Мы не будем пока сходитья с персом в открытом бою. Лучших всадников пошлем к Истру, пусть следят. Затем раз-

делимся на два войска. Первое возглавляет Скопасис и Пата. И пойдут они на реку Танаис и Меотиду²⁵. Второе войско – под моим началом – будет отступать на восход солнца. Да, мы будем отступать. Скот гнать перед собой. По пути засыпать все источники. Между реками выбирать самый длинный путь. Мы пойдём кочевьями в стороне от селений и нив пахарей. Но после нас персам останется голая земля. Да простит нам это покровительница всякой живой твари и наименьшего стебелька щедрая богиня Апи... Мы принесем ей и мужу ее Папаю богатую жертву – тела врагов наших! Если перс погонится за Скопасисом и савроматами вокруг Меотиды – хорошо, за моей частью войска – еще лучше. Долго ли выдержит перс или нет, но когда-то он ослабеет. И тогда мы ударим и уничтожим его войско. Не так ли, братья-цари?

– Очень хорошо придумал брат Иданфирс. Дарий найдет тут свою могилу.

Тем временем золотой рог Иданфирса пошел между царскими слугами. В руки Аспака он попал от молоденького савромата, узкого в плечах, с тонкой фигурой. Аспак с интересом разглядывал безволосое лицо. Да это савроматка! И серьги маленькие в ушах, и кафтан, расшитый бисером, и массивная гривна на шее. Девушка не походила на молодых сколоток. Была с оружием и в мужской одежде.

Он внимательно оглядел ее всю, подумал, удержит ли эта маленькая рука меч – акинак, загляделся в черные глаза. Ин-

---

²⁵ Дон и Азовское море.

интересно, какова в бою...

Садясь на коня, Аспак еще раз увидел между савроматскими посланцами царицу Пату и молоденькую девушку, которая передала ему рог. Ведь получается, что он побратался с ней...

Когда переправа через Истр была закончена, Дарий приказал мост разрушить. Войско, которое на кораблях, пусть сойдет на сушу и примкнет ко всем.

– Разреши слово, царь.

– Кто ты?

Поднялся белокурый грек с кудрявой бородой, которая росла так, что нельзя было разобрать, где кончаются кудрявые волосы, а где начинается борода.

– Я Коэс из Митилены, начальник триеры, – ответил человек. – И вот что я хочу сказать, царь. Ты намерен идти походом в край, где не управляют землей, где нет городов. На то воля Зевса. Но вели, чтобы мост через Истр стоял, как стоит. А стеречь назначь тех, кто его строил. Если выйдет, как ты задумал, и мы найдем и покорим скифов, то будем иметь обратную дорогу для добычи и пленных, а если не сможем их найти, у нас будет надежная дорога для возвращения.

Дарий нахмурился и потянулся рукой к уху. Коэс почувствовал недовольство царя и заговорил быстрее:

– Нет, я не думаю, что мы слабее скифов. Ты скажешь, что я так говорю с целью остаться у моста? Так нет же, клянусь Зевсом, я сам пойду с тобой.

Коэс сел, а Гобрий, чтобы упредить события, сказал:

– Ты верно молвишь, Коэс. Сам Ахурамазда вселил эти

мысли, и я считаю, что царь наградит тебя, чьими устами говорил Великомуудрый. Ведь старая персидская поговорка учит: никакого врага нельзя считать ничтожным и беспомощным.

– Конечно же, мой любезный друг, – сказал Дарий после минуты размышлений. – Если я вернусь здоровым, приди ко мне, чтобы я наградил тебя за добрый совет. Слушайте меня, мужи греческие и ты, Гистией, который старшим среди вас. Я посоветовался с Ахурамаздой и отбросил прежнюю мысль. Вы останетесь здесь, возле моста, на страже. И сделаете так. Возьмите ремешок и завяжите на нем шесть раз по десять узлов. А когда я двинусь против скифов и последний воин перейдет мост, то развязывайте по одному узлу с каждым восходом солнца. Если развяжете все узлы, а я не вернусь, то плывите домой. Знайте: я пошел назад через Кавказ. Но до того времени оберегайте мост. Когда так сделаете, то сослужите мне хорошую службу и награда будет щедрой.

Сколотские и савроматские войска ждали известия на берегу Борисфена, а их наблюдатели и царь Скопасис скакали на восток, навстречу персам. В степи оставались по двое сколотов-сигнальщиков. Они в нужный момент разведут большие костры – сигналы о приближении врага.

Аспак старался все время ехать возле царя. Он поглядывал на бронзовый шишак Скопасиса и думал, что и ему не помешал бы такой же. Говорят, стрелы отскакивают от него, словно камешки. Поправил под курткой золотую сигарку Та-

бити – защитницу очага и бронзовое зеркальце, – они сползли вниз и терлись о живот. Скорее бы ночной привал, где можно глянуть в зеркальце, не отросла ли за сегодня борода. Персы, наверное, еще далеко. Что это за люди? Кто из них его, Аспака, добыча?..

За зарослями уже открылась широкая гладь лимана. Когда дозорные сколотов выбрались на высокий правый берег, Аспак заметил над краем степи низкую и серую тучку, непохожую на веселые, чистые облака. Это могла быть только пыль, поднятая громадным стадом или войском...

– Персы!

Аспак почувствовал легкий озноб. Скопасис пронзительно свистнул, и сколоты сгрудились.

– Катиары! Только заманить персов, но на сближение не идти. Держитесь ближе ко мне, не вырывайтесь вперед! – Скопасис поправил щит на спине и махнул жилистой рукой.

Молча, сосредоточенно неслись сколоты навстречу страшному, всезакрывающему облаку. Оно подвигалось, росло, а кони мчались. Казалось, Скопасис намеревался развеять то облако. Когда из пыли стали выделяться отдельные черные точки, Аспак понял, что их заметили. Но Скопасис не спешил возвращаться.

А тем временем возвращались в белокаменную Ольвию два отчаянных посланца ее, Теодор и Диамант. Позади остались кочевья скифов. Хмурая и пустынная степь, полная

опасных неожиданностей, отделяла их от желанного дома.

– Как бы не перехватили нас воины Дария, – говорил Диамант в спину Теодора.

– Зато имеет славный мастер не одного побратима среди скифов. Если скифы победят в этой войне, мы разбогатеем, как Крез.

– Да минует нас бесславный конец царя лидийцев²⁶. Возьмем пустые амфоры, шерсть и шкуры. Знаешь, так мягко мне нигде не спалось, Теодор.

– Ты опустошил на берегах Борисфена не только свою посуду, но и мои скромные запасы. С кузнецом мы пили до утра.

– А ты почему-то дулся на того кузнеца, Теодор. Боялся, что его наконечники стрел лучше твоих? А какие красивые топорики нам показывал!

– Там где-то есть целый город мастеров по железу. Но меня сейчас беспокоит другое. Уж больно тихо вокруг! Вон пустое селение виднеется... Диамант, посмотри, всадники!

Из оврага медленно выезжало несколько десятков усталых, взмыленных коней.

– Судя по одежде – скифы. Нет причин для опасений.

Теодор свернул с утоптанной дороги, давая проехать всадникам. Было видно, что скакали они прытко – снимали войлочные шапки и вытирали ими потные лица.

---

²⁶ Крез – правитель Лидии (560 – 546 гг. до н. э.), который прославился своим богатством. После поражения в войне с персами Крез потерял все.

– А вот и наш побратим Аспак. Эй, брат Аспак! От кого вы так убегаете? Случайно, не от Дария?

Всадник с блестящим на солнце шишаком презрительно процедил:

– Греки хотят познакомиться с персами? Пусть следуют по нашей тропе. Прямо в зубы Дарию, – и расхохотался, откинувшись в седле. – Езжайте, может, откупитесь, вон сколько добра везете.

– Нет, царь! – Диамант соскочил с телеги. – Мы братались с твоими соплеменниками, и боги не простят нам сделок с вашими врагами. Теодор, купец ольвийский, дети за нами не плачут, так поворачивай же назад, к Борисфену. Дарий и наш враг.

– Правдивая речь твоя, мастер Диамант, но какова мне цена без моего дома? Что мы будем делать в степи? Управится ли слуга с хозяйством? Ведь столько непроданого вина и рыбы.

– А мне голова и руки дороже горшков и ваз.

Дозорные скелетов тем временем поворачивали коней.

– Не заблудились ли наши «гости»? – Скопасис втянул воздух горбатым носом. – Чую их дух, но не вижу. А ну-ка давайте покажемся им!

Аспак скакал справа от Скопасиса. Посматривал на царя, любовался его бесстрашным, веселым лицом и сам заражался удалью и беспечностью. «Хо, хо!» – покрикивал на коня Скопасис и подстегивал нагайкой. Вон сколько плат-

ков-скальпов на его узде! Аспак вспоминал рассказы о том, как ушел Скопасис от погони разъяренных персов в той битве, когда погиб отец Аспака. Не просто ушел, а увлек за собой двух преследователей, и в степи обезглавил... Персы ему не в новинку.

Между тем один за другим вспыхивали костры сколотов-сигнальщиков, и быстро неслась весть на Борисфен к царю Иданфирсу о том, что враг обнаружен.

Однажды персидский разъезд оторвался от своего войска и заночевал, где застала его ночь. Лицо Скопасиса застыло. Он решился...

На морды лошадей, чтобы не ржали, надели сумки с зерном. Все, что может звякнуть, было привязано. Щиты сдвинуты на предплечья. Все лишнее в ночном бою – копья, колчаны со стрелами и луками – оставлено.

Тихо подобрались сколоты поближе к ночлегу персов. Там все спали, измотанные дневными скачками. И степь, и кони, и звезды – все молчало. Аспак нащупал на груди золотую фигурку Табиты, сжал ее и зашептал: «Помогай, Табиты, помогай...» И тут разнесся крик Скопасиса:

– Бог Фагимасад, помоги нам!

Акинаки вылетели из ножен, взметнулись над головами, рев полсотни сколотов напугал персидских коней, они кинулись врассыпную. Из темной стены ночи, очерченной звездным горизонтом, выскакивали страшные, подвижные тени, вырастали, наваливались, били короткими мечами, секли.

Аспак свесился, что было силы рубанул темную фигуру, стараясь попасть по шее. Перс пошатнулся, дернулся, Аспак нагнулся, поймал за волосы, голова не отделялась, еще раз рубанул, но опять не попал как хотел, конь учуял кровь, замотал мордой, встал на дыбы, и Аспак скатился на землю, не отпуская жертвы.

Кругом все ревело, ржало, стонало, черные тени поднимались, закрывая собою полнеба, и опадали, у Аспака дрожали руки, он ударил еще раз, брызги крови попали на лицо. Его охватила злость на свою неловкость, страх перед окровавленным телом. Снова опускал руку с мечом, пока не почувствовал голову врага в левой руке. Аспак навалился на коня грудью, вполз на спину, не нашел узду, схватил за гриву и увидел, что остался один, а черные высокие тени неслись туда, откуда примчали, и он ударил коня... Конь храпел, шел боком, но Аспак бил его, и конь отворачивал морду в сторону, тоскливо ржал, но убыстрял бег.

8

Разведчики сколотов добрались до Борисфена. Их уже ждали перевозчики с плотами. На противоположном берегу, низком и таком далеком, что камыши казались травкой, поднимались дымы. Это рабы готовили еду.

Возле шатра царя Иданфирса сутились слуги и рабы. На шатре вышита серебром фигура богини Апи. Толстые косы ложатся на грудь Апи. Вместо ног змеиные закрученные хвосты. Покровительница всего живого придерживает козлов за крутые рога... Порывы ветра колышут полог шатра, оживляя изображение.

К разведчикам вышел сам Иданфирс. Всадники спешили и положили царю под ноги два десятка бородатых окровавленных голов.

– Наш тебе подарок, брат. Посмотри на персов, ведь ты их не видел еще! – Скопасис вынул из кожаного мешка у седла еще две головы, потряс их за волосы, скривил губы в едва заметной снисходительной усмешке.

– Хорошо, брат! Но привел ли ты войско Дария, не потерял ли его по пути? – в тон Скопасису спросил Иданфирс.

Это говорят ему, Скопасису! Самому ловкому среди сколотов! Скопасис стреляет из лука дальше всех – на две с лишком стадии. Копьем пронзает насквозь вепря. Мечом рубит врага наполовину. Чтобы он потерял вражеское

войско!

– Дария увидишь завтра. Мы протоптали ему хорошую дорогу, Дарий гонится за нами. – И Скопасис швырнул головы в свой мешок.

Иданфирс хищно блеснул глазами:

– Пока Дарий перейдет Борисфен, у нас есть время для жертвоприношения богам. Брат Скопасис, передай старейшинам и дружине, всем конным и пешим, воинам и обозу, пусть соберут к завтрашнему дню стог сена и хвороста – в двести шагов шириною и четыреста длиною. А высотой – сколько хватит сил. Пригласи царицу Пату и дружину ее. Приготовь жертвенный скот. Завтра в полдень боги получают дары наши. А добычу свою возьмите и распорядитесь ею, как велит обычай.

Аспак вошел в свой шатер, упал на шкуры и проспал до утра. С восходом солнца пошел вдоль берега искать дерево, ветка которого поет шмелем, когда, насадив наконечник, пустить из лука. Это высокое дерево – ясень. Не всюду его встретишь, надо немало походить. Аспак бродил над водою до полудня и нашел далеко от лагеря березовую рощу. Что ж, придется довольствоваться березовыми ветками, не такими прочными, как у ясеня, но надежными в стрельбе. Аспак рубил топориком ровные ветки и складывал их рядышком. На кончик Аспак насадит бронзовое острие с кривым шипом. Скопасис любит, чтобы колчан был набит стрелами с загогулиной на острие. Таковую стрелу не вытянешь из тела, не рас-

терзав внутренности.

В лагере рабы разводили костры, доили кобыл, сбивали масло, а между ними прохаживались сколоты, объезжали молодых коней царские конюхи. Немного дальше находился белый шатер царицы Паты.

Аспак вспомнил о девушке, с которой пил из одного рога, и начал присматриваться к савроматкам, но так и не нашел ее. Подумал, что теперь у него есть преимущество перед этой чернобровой девчонкой с сережками, ибо сегодня на узде его коня появится кожаный платок, снятый с головы убитого перса, чем не каждый может похвалиться! Вернувшись в свой шатер, Аспак уже спокойно осмотрел окровавленный обрубок со скрученной бородой.

Скоро на белом коне объедет лагерь царский глашатай. Созовет все сколотское и савроматское войско за рошу в поле. Каждый воин понесет охапку хвороста, прошлогодней травы или речного камыша и сложит в одну кучу. Стог будет расти, края подравниваться, и, когда царь Иданфирс с золотым колчаном и в греческом шлеме протянет молодому воину свой акинак, тот влезет наверх, воткнет там оружие. Потом подгонят к стогу скот и будут его резать, пока не наполнится кровью большой котел. Самые сильные из скелотов осторожно внесут котел наверх и выльют содержимое на старый, закаленный в боях акинак Иданфирса. Царь потребует меч назад, возденет к небу руки и скажет: «Пусть простят нам боги эту скромную жертву. Пусть подождет Апи и Па-

пай, пока их дети пленят воинов Дария. Клянусь своим очагом, каждый сотый пленный будет пожертвован тебе, Апи, тебе, Папай, тебе, Табити, тебе, Фагимасад». И положит слуга Иданфирса возле святилища Мечу золотые плуг, ярмо, топорик и рог – все, что небо послало когда-то трем праотцам сколотским. Чтобы каждое племя выбрало себе занятие по душе: тем, кто будет сеять хлеб, – плуг, тем, кто хочет пасти окот и кочевать, – ярмо, самому воинственному племени, которое должно возглавлять сколотов в случае войны, – боевой топорик, а всем в одночасье – рог, из которого пить племенам сколотским вино братства, единства, непобедимости.

Загорится веселый огонь, а сколоты положат один другому руки на плечи и кольцом окружают горящее святилище. Медленно закружит живое кольцо, зазвенят мечи и колчаны на поясах сколотов, зазвучит воинственный крик, обращенный против врага:

Бей его в голову!

Бей его в грудь!

Бей его в сердце!

Бей его в живот!

Почувствует товарища каждый сколот, почувствует его мускулистую руку прежде, чем замрет на месте людской круг. Повернет он в обратную сторону, постепенно разгоняясь, и повторит свой грозный припев:

Проткни его копьем!
Лови его за волосы!
Рази его мечом!

Царь Иданфирс после всего пригласит воинов на пир. Владельцы кожаных платков откушают по чаше неразведенного вина, а тот, кто не убил ни одного врага в бою, будет вне круга досадовать на себя. Аспак же сегодня войдет в круг избранных, чтобы наслаждаться вином из чаши-черепа и поглаживать свою бородку.

Когда левый берег осветился громадным костром, царь Дарий улыбнулся. Да, бог Ахурамазда благоволит к нему. Скифское войско за рекой – не удалось дикарям спрятаться в глубь степей.

Видарна пробирался между военным и обозным людом, и все давали дорогу, едва завидев ярко-оранжевое убранство начальника бессмертных. Он хотел убедиться, оберегают ли евнухи его добро и не сбежала ли какая-нибудь из женщин с тонконогим египтянином или диким саком-рыбоедом. Все было в порядке, и Видарну окружили наложницы, каждая из которых старалась поймать его взгляд.

– Мой господин! – Гаусана спешился и кинул на землю свернутый чапрак. Из него высыпались окровавленные человеческие уши. Женщины теснились позади коня Видарны, вытягивая шеи, отталкивая друг друга.

– Вот тебе утешение в отместку за двадцать два бессмертных, которых подлые скифы убили ночью, – продолжал сотник. – А еще я подумал, что тебе, смелейший из бессмертных, будет интересно увидеть живого скифа. Всего их было одиннадцать. Видно, заблудились и напоролись прямо на мою сотню.

И только теперь Видарна заметил на небольшой лошади связанного человека. Подъехал ближе к пленному. Приказал перевернуть на спину. Встретил взгляд спокойных бесцветных глаз из-под всклокоченных седых волос. Пока Видарна разглядывал пленного, старшая служанка Тия как бы невзначай приблизилась к сотнику Гаусане и сказала несколько

СЛОВ.

Колесница Дария с его свитой следовала отдельно от всего войска, окруженная кордоном бессмертных, и Видарна взмахом руки приказал расступиться, а за ним в узкий проход проскочил Гаусана.

– Мой царь! – Видарна знал, что Дарий не любит в походе излишнего красноречия. – Этот молодой сотник хочет показать раба отныне подвластной тебе Скифии.

Двое бессмертных развязали пленного, подвели к Дарию.

– Кто ты? – выдавил из себя Дарий.

Пленный молчал. Тогда Дарий кивнул Видарне, и тот подъехал к скифу, вертя в руках нагайку.

– Грязный раб не хочет говорить? – Видарна поймал скифа за бороду, но тот ударил его по руке, и удивленный, а потом взбешенный Видарна кивнул бессмертным.

Они набросились на пленного. Гаусана держал критский кинжал и вертел нетерпеливо и многозначительно. Скиф закрыл глаза, чтобы никогда больше не увидеть ни неба, ни степи. Знал, что ждет его... Вспомнил своего слепого раба, его терпенье. Лишь бы не закричать, выдержать... Пленник сжался и ждал. Глаза, только свои глаза чувствовал скиф, они словно набухли и вот-вот должны лопнуть от прикосновения острия кинжала...

А бессмертные повалили его навзничь, один сел на голову, другой на ноги, а Гаусана плавным и заученным движением занес кинжал над спиной скифа и вырезал полосу кожи.

– Что теперь рассказывает темный раб?

– Ничего. Скиф стонет.

Коэс из Митилены отвернулся, и Дарий, с интересом следивший за всем из своей колесницы, подумал: грекам не нравятся. Ну что же, это в дальнейшем ему пригодится.

Дарий подозвал Видарну ближе.

– Скиф молчит?

– Да, мой господин. Прикажешь поднять на копья? Или закопать живым в землю, принести в жертву Анкраманью и его верным муравьям?

– Злой Анкраманью не удовлетворится этим стариком. Что ему какой-то человечешко? – отозвался Барт. – Злой и могучий Анкраманью хочет сотни, тысячи жертв! Что ему это жалкое приношение? Мы должны поскорее догнать скифское войско, мой царь!

Дарий подумал, что Барт прав. Кроме того, живой скиф, знающий край, может ему пригодиться.

– Если силой не добился своего, Видарна, замени ее лаской. Оставь скифа. Он старый и знает немало. Поручи моему лекарю-египтянину, пусть залечит его раны. Стеречь пленника.

Уже три недели, как персидское войско перешло через Истр. Длинная змея ползла по степи, сокращалась в длину, но разрасталась вширь на сотни стадий. Желанная битва не состоялась, и воины, вначале державшиеся возле возов с тяжелым оружием, теперь отставали или обгоняли обозы и,

разморенные летним солнцем, полусонные, качались в седлах.

Но Скифия и на четвертой неделе по-прежнему встречает их пожарищами, засыпанными колодцами, опустошенными селениями да холодными ночами, когда загорелые азиаты, привыкшие к жаре, мерзнут до утра.

Царь царей все еще надеялся, что впереди будут богатые города, а Видарна, Гобрий и Барт передавали его слова дальше, их подхватывали слуги, и вожди семидесяти семи племен успокаивали воинов.

Но веселые женщины, присоединившиеся к войску еще на царской каменной дороге между Сузами и Эфесом, донашивали свои наряды, а воины все сулили им золотые украшения и свитки шелков. Около трех тысяч персидских стадий пути – и ни одного города! Начались перебои с питьевой водой. Стоило обнаружить источник, как ряды воинов расстраивались, завязывались драки, потасовки, доходившие иногда до убийств. Но небольшие речушки после Борисфена были запружены и загрязнены всякими отбросами, падалью, и немало воинов персидских шло к знахарям, корчась от коликов в животе.

На двадцать третий день разведка доложила Дарию, что впереди широкая река Танаис, и у этой реки скифы разделились – часть пошла на юг, на переправу, а остальные двинулись вдоль берега на восход солнца.

Дарий созвал совет и приказал позвать пленного скифа.

Его привезли к царской колеснице. Стоя за кордоном бессмертных, он видел, как приближенные Дария волновались, показывая руками в направлении то на восход солнца, то на полдень. Старик по двум широким полосам вытоптанной травы догадался, в чем дело.

Ласковый тон Дария обескуражил скифа, он стоял перед царем царей в нерешительности, но внезапная мысль, что вот сейчас он может послужить своим, подняла склоненную голову. Согласно кивнул и попросил разрешения проехать по степи в одном и другом направлении.

– Если царь хочет догнать небольшой отряд, пусть переплывает Танаис, – молвил скиф, обращаясь к Дарию. – Если же царь не боится битвы с многочисленными и сильными мужами, пусть и дальше направляет свою колесницу на восход солнца.

Дарию понравился ответ.

– Я пойду на восток, старик. – Дарий обратился к Видарне. – Если он будет стараться и в дальнейшем, назначу его сатрапом этой дикой страны. Скажи ему об этом.

– Сатрапами, мне кажется, лучше назначать своих людей, великомудрый царь, – только Видарна мог осмелиться на подобное.

– Ты не постиг еще всей сложности жизни, Видарна, – оказал Дарий, не упустив удовольствия поучить его. – Местные сатрапы усерднее служат царям, ибо им некуда удирать...

И Дариево мдогоплеменное войско двинулось вдоль Та-

наиса, упиваясь чистой водой, наедаясь рыбы, дичи, которой было столько в плавнях, что сколоты не могли уничтожить такое несметное богатство.

Скиф пленник, отмеченный милостью самого царя, чувствовал себя свободней, без охраны разъезжал по персидскому стану и мечтал о побеге. Но за ним неусыпно следил какой-то человек, он постоянно держался вблизи.

Скиф прикидывал расстояние до своих, присматривался к оставленным ночлегам сколотов, и получалось, что главные силы, как и прежде, находятся от персов на расстоянии однодневного перехода верхом. И разрыв не уменьшался, хотя персы от раннего утра до вечера проходили до двухсот стадий.

Однажды скифа вновь позвали к царю.

– Что это? – спросил Дарий.

Внизу прямо из-под колесницы до самого горизонта простиралась беспредельная водная гладь.

– Что это? – повторил Дарий свой вопрос.

Бесполезно было ждать ответа от грека Коэса или пленного скифа – они замерли на утесе, удивленные не меньше царя. Тот молча и сосредоточенно смотрел вдаль²⁷...

Второй месяц его войско без отдыха гонит скифов. Стада баранов и лошадей тают. Среди войска раздор и грабежи. Пусть постоит здесь, на берегу, пополнит охотой запасы мяса, засушит рыбы.

---

²⁷ Дарий смотрел на Волгу.

Старый скиф исполнил свое намерение, когда царские глашатаи объявляли волю Дария о десятидневной стоянке.

Толпа плотно окружила глашатаев, не протолкнуться, и скиф постепенно удалялся от своего стража. Тщетно тот пытался развернуть коня среди массы верховых и пеших, чтобы уследить за маневрами пленника, и в конце концов потерял старика из виду. А тот, отсидевшись в кустах, выехал в степь. Скакал и днем и ночью, пока на берегу Танаиса встретился ему табун низкорослых разномастных сколотских лошадей. Напряженность последних дней оставила его. Вялость в мускулах, острое ощущение голода.

Какой-то человек в греческой рубаше, подвязанной шелковым шнурком, сидел, утопая в траве, и что-то чертил тоненькой палочкой на деревянных досточках. Рядом, небрежно брошенные, лежали сумка, несколько рыб, кусок сыра, небольшая амфора.

У беглеца задрожали руки. Сполз на животе с лошади и подошел к незнакомцу.

– Кто ты, человек?

Рисовальщик от неожиданности опрокинул пузырек, коричневая жидкость расплзлась по зеленой траве.

– Я Диамант из Ольвии. А ты, старик?

– Я старейшина Басадос из племени катиаров, был в плену у персов.

– Что ты увидел там? Ты голоден? Ешь.

Пока старик чавкал за спиной, Диамант увлекся мечтой о

том времени, когда слава о его рисунках прогремит на весь Понт Эвксинский – от Тираса до Византия и Трапезунда, Эллинским морем поплывет к берегам Либии²⁸ и Азии. Он терпеливо будет ждать мгновения, когда Орфей вдохновит его, и крик радости услышат на всей земле: «Нашел! Посмотрите сюда, я нашел утерянную людьми тайну – изображение пространства!» Чувствовал: это вот-вот должно произойти. И именно среди этих степей и чащ с прозрачным воздухом.

– Ты видел греческие города, уважаемый? Их дворцы и скульптуры?

– Города – это гибель сколотов.

– Высоким стилем слов своих ты напоминаешь греческих риториков. Я тебя не замечал раньше.

– А золото ничего не значит, – продолжал Басадос. – Золото тяжелое, много золота не возьмешь на повозку. Его надо прятать в городах, ограждать стеной. Сидеть на месте и стеречь. Это будет наша гибель. Ты видел Дария?

– Нет, не видел никогда.

– А я насмотрелся на все семьдесят семь племен, которые привел Дарий. Они скоро побегут от сколотов. Им не одолеть нас. До тех пор пока мы не имеем городов, пока, подобно солнцу, в постоянном движении, до тех пор мы свободны и не подвластны никому, как само солнце. Землепашцы, которые живут над Борисфеном, вынуждены давать нам хлеб и шкуры. Потому что не могут оставить свои селения и уйти

---

²⁸ Л и б и я – Африка.

подальше.

– Если кто и победит царя Дария, то это будут греческие полисы, мудрый скиф.

– Какие полисы – те, которые меняют властителей так часто, как мы пастбища?

– Ты говоришь об ионийцах! Но великая Эллада свободна и сейчас.

– Я не знаю Эллады. Я знаю греков над Понтом Эвксинским и на побережье Анатолии. Кому они подвластны теперь, ионийцы?

– Ионийцы – Дарию.

– А до него?

– Киру.

– А до того?

– Крезу.

– Вот так! Твое племя поселилось в городах над морями и ради них готово терпеть кого угодно.

– Я тебе говорю, только греческие полисы победят персов. Города свободных граждан, где каждый знает, что защищает! Ионийцы еще покажут себя. Они вынуждены сегодня покоряться Дарию, но придет время... – больше самому себе, чем Басадосу, говорил Диамант.

Он приставил рисунки к дереву и, приседая, отходя дальше и опять приближаясь, закрывая то один, то другой глаз, всматривался, быстро переводил взгляд на табун и все думал, чего же не хватает его рисункам.

Тем временем старейшина Басадос ехал по дубраве к палаткам сколотских царей.

10

В том месте, где Танаис впадает в Меотиду, Скопасис и Пата, не дождавшись гонца от Иданфирса, собирались пойти вдогонку основному войску.

Оружейник Аспак выехал за лагерь.

– Хо! Хо! – покрикивали объездчики. Лошади косили глазом, жались друг к другу, а савроматы доставали овес из кожаных сумок, приманивали. Более податливых ласками приучали к рукам, прыгали на спину, и начиналась бешеная гонка в степи.

– Если мой брат владеет мечом и луком так же, как приручает лошадей, то можно положиться на него в бою, – улыбнулся Аспак.

Со взмыленного трехлетки спрыгнула знакомая девушка-воин.

– Ну, ну, ну... – спокойно приговаривала она, водила рукой по гриве, по горбоносой морде, а лошадь перебирала дрожащими ногами, порывисто дышала и уже прислушивалась к нежному голосу человека, который мог быть непреодолимо твердым, как вот накануне, когда гонял ее по полю, вцепившись в гриву, и никакими увертками не сбросить его.

– Мой брат... – продолжал Аспак.

Но девушка, осторожно надевая на лошадь сбрую, сказала тихо и спокойно:

– Мое имя Опия.

– Когда Опия научилась так ездить верхом?

– Сразу же, как увидела солнце, сидела на коне. Когда мои пальцы научились хватать, в них была стрела.

Аспак опешил после такого ответа.

Он подъехал той стороной, где к его седлу была подвешена белая чаша из черепа убитого перса и вился на узде платок-скаल्प. Опия искоса взглянула на чашу, и Аспак выпрямился в седле, пальцами коснулся бородки, погладил ее, перебирая мягкие волосы.

Лошади шли медленно. Из-за леса взвился орел и закружил над войском, высматривая, чем бы поживиться. Аспак вынул стрелу и быстро наложил на тетиву лука. Но Опия схватила за руку.

– Нельзя даже целиться в орла. Орел – дитя Солнца. Ты принесешь беду. Разве сколот не знает?

– Не ведаю обычаев савроматских, – опустил лук, всматриваясь в черные глаза Опии. – Сколоты сами дети богов. Первый человек на земле был сыном всемогущего Папая и змееногой Апи – дочери Борисфена. Имел он троих сыновей. От среднего пошел наш род катиаров и траспы. От старшего – род авхатов. Младший породил паралатов. Давно это произошло, но так было.

– А скажи, сколоты равны между собой?

– Если не знаешь, я расскажу. Так постановили боги – в военных походах мы подчиняемся царю паралатов Идан-

фирсу.

– Паралаты – это род младшего брата?

– Ты хорошо слушаешь, Опия! Три брата отдыхали на берегу Борисфена, когда с неба упали золотые плуг, ярмо, топорик и чаша. Увидел старший брат и пошел за ними, но золото начало гореть. Тогда пошел средний – золото опять вспыхнуло. Но когда подошел младший, оно потухло. И он взял золотые подарки, а старшие братья передали ему власть над собой. Такой была воля Папая. А что это за звери в твоей гривне?

– Львицы. Самые сильные животные. Наши охотники привозили шкуры львиц из предгорий Кавказа. Око львицы оберегает от вражеской стрелы. А расскажи мне еще о сколотских племенах.

– Авхаты, потомки старшего брата, издавна пашут землю, сеют пшеницу, просо, ячмень, коноплю. Это для авхатов боги послали на землю плуг. Прочим трем племенам боги завещали ярмо. Было время, катиары, траспы и паралаты кочевали от Пораты до Сиргиса²⁹, поделив степь. Затем траспы занялись ремеслами и осели. Они делают для остальных сколотов оружие, украшения и телеги. Мое племя катиаров и паралаты кочуют, как и прежде, разводят скот, выделывают кожу, шьют из нее куртки, штаны, обувь. Стрижем овец и запасаемся шерстью, валяем войлок. Не столько для себя, но и для авхатов и траспов, за это вымениваем у одних хлеб, у

---

²⁹ С и р г и с – Северский Донец.

других оружие, утварь. А теперь ты поведай о своем народе.

– Мать моя рассказывала о нашем племени, а ей рассказывала ее мать. Женщины савроматов любят говорить об этом, а мужи слушают без интереса. Прабабки савроматов родом из Анатолии – это за Танаисом, далеко на полдень, за высокими кавказскими горами, их можно обойти только морем. Греки воевали с ними и взяли в плен три корабля савроматов. Но на Понте Эвксинском пьяных греков женщины перебили. Не умели они управлять кораблями, ветер и волны понесли женщин через пролив в Меотиду. И выбросило их на берег. Там небо послало им диких коней, женщины переловили их и поехали в степь, где встретили стойбища скотов...

Аспак слушал и вдруг почувствовал, что рядом с ним едет девушка, черноокая и живая, и никакой не брат.

– И воевали с родами вашими, пока склоты поняли, что они воюют с женщинами. Пожелали ваши мужи иметь детей от савроматов. И сказали склоты: будьте нашими женами...

Ветер бросал на глаза Опии волосы. Она резко отбрасывала их, и Аспак видел, какая она нежная, как волнуется ее белая рубаха под распахнутым плащом и какой он, Аспак, большой по сравнению с этой девушкой. Сила бурлила в нем, хотелось показать ее, не сдерживаясь.

Летний ветерок обжигал лицо.

– Мы не пойдем ваших женщин, склоты, так как нет у нас одинаковых с вами обычаев, ответили тогда савроматки, – не спеша вела свой рассказ Опия. – Возьмите свой скот

и свое имущество и пойдёмте жить вместе, отдельно от ваших родителей, на восход солнца. Послушались мужи-сколоты и пошли за девами нашими от Борисфена к Танаису и там поселились. И до сих пор придерживаются жены савроматов старых обычаев: ездят верхом на охоту, воюют и носят одежду воинов.

Аспак и Опия отстали от свиты и свернули на опушку леса.

Аспаку привиделась в глубине густая чаща, прохладная и манящая. Схватил коня девушки за повод, ударил своего в бока и повлек за собой Опию, не обращая внимания на крики. Так несся он, ломая мелколесье, пока не почувствовал легкость в руке и не заметил, что держит обрывок повода. Разгоряченный, поворотив коня, увидел, что Опия выезжает из лесу и вкладывает меч в ножны. Закипел у молодого сколота, владельца скальпа, гнев на строптивую девчонку; помчался он вдогонку, готовый убить ее, но расстояние не сокращалось, а войско скотов и савроматов приближалось. Опия направила коня к царице Пате.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В сердце входит черный страх.

Сердцем водит злая ночь.

Оа! Персов гордые войска!

Будут слезы, будет стон,

Будет плач

В стенах опустевших Суз.

Э с х и л. Персы

И соединились войска сколотов. Устроили жертвоприношение сколотскому мечу.

А вечером царь Иданфирс вернулся в просторный шатер. Отцепил от железного пластинчатого пояса меч, колчан со стрелами и луком, серебряный черпачок для воды. Расстегнул крючки пояса, снял кожаную куртку, усталым движением закатал рукава вышитой красно-зелеными крестиками сорочки. Опустился на кошму посреди шатра. Приказал никого не впускать. Сегодня он устал. И не так из-за тряски в седле, как из-за напряжения, неудовлетворенности. Сегодняшняя жертва богам не удалась, сколько бы овечьей и лошадиной крови ни пролилось на боевой меч. Кровь не та... Разве такой жертвы жаждут Папай и Апи, воинственный Фагимасад от своих детей? Беззащитные твари освятили сегодня меч, а враг продолжает наступать на пятки. Но еще не время! Надо протащить персов по болотам невраов, тогда они созреют, чтобы посдирать с их голов кожу и выцедить из жадных глоток кровь. Нет, боги не прогневаются, не оставят его и сколотов. Ведь Иданфирс всегда соблюдал обычаи предков.

...Мимо шатра, в котором отдыхал Иданфирс, проезжал Скопасис. Неодобрительно смотрел он на шатры, окружавшие большую царскую повозку. Вон сколько слуг развел Иданфирс! Тут и конюх и оружейник, повар и виночерпий, пастухи и охрана.

Еще жен бы взял с собой!

Скопасис чувствовал себя легким, необремененным. Из слуг на войну взял только оружейника Аспака. На войне все лишнее – обуза.

А вот та войлочная палатка поменьше. В ней царь Иданфирс хранит реликвии сколотов, ниспосланные когда-то богами: золотой плужок, золотой топорик, золотой рог и маленькое золотое ярмо. Их показывают только во время жертвоприношений богам. И каждый сколот знает, что золото это неприкосновенно. Лишь Иданфирс и его ближайший слуга могут брать реликвии в руки, остальных же, посягнувших на дары богов, ждет смерть. Человек хиреет, чахнет, золото печет ему руки, тело, душу, он не находит себе места.

Скопасис остановил коня, прислушался. Надвигались сумерки, тихо на царской стоянке. Поодаль вокруг костров сколоты подремывают у огня.

Скопасис слез с коня. Тихо ступая, приблизился к маленькой палатке. Откинул полог, но ничего не разглядел. Сердце учащенно бьется. Чего он боится? Кары богов? Но какая-то сила подталкивала, и он нырнул под полог. Ощупал землю. Что-то обожгло руку, и он отдернул ее, сел на землю. Убраться отсюда поскорее! Но та же сила заставила снова протянуть руку к обжигающему золоту. Это был золотой топорик. Скопасис зажал его в руке и теперь только понял, что металл не горяч, а холоден...

Он сунул в кожаный мешок и топорик, и маленькое ярмо, и плужок, и рог. Озираясь, выбрался из палатки, поехал

прочь в темноту. Бросил поводья. Взвешивал в руке мешок, запустил туда руку и гладил золото, грел горячими пальцами. Золото не жгло.

Радость поднималась в нем. Вокруг ни души, и Скопасис рассмеялся, подбросил мешок, поймал его, закинул за спину. Ударил коня в бока. На поляне луна осветила царя катиаров, разгоряченное лицо, долговязую фигуру. Он самый сильный среди сколотов! Священные реликвии льнут к его рукам. И Папай, и Апи, и Табити, и Фагимасад благоволят к нему – Скопасису!

К рассвету Скопасис вернулся в лагерь. Смело, не таясь, подъехал к стоянке Иданфирса, зашел в маленькую палатку, бережно вынул из мешка золотые реликвии, положил их на место.

В шатрах зашевелились сонные слуги.

А днем сколоты вступили в край меланхленов, живущих по обе стороны Танаиса.

Выходили за земляные валы старейшины меланхленов в черных длиннополых одеждах. И царь Иданфирс говорил им:

– Не захотели присоединиться к нам, как советовали мы! Надеюсь, перс не достигнет ваших хижин. Пока не поздно – присоединяйтесь. Завтра персы будут стоять на этих валах.

Выкрикивали старейшины вдогонку Иданфирсу. Поглядывали на широкие лесные просеки, оставленные сколотами; и ужас овладевал ими и гнал темные фигуры к хижинам.

Но издали нарастал, все сильнее слышался треск деревьев – то продирались сквозь чашу страшные персы, и оставляли меланхлены селения и плетенные из веток, обмазанные глиной жилища, угоняли стада, забирали все, что можно.

Встревожили скелоты и племя андрофагов в их лесных землянках-норах. Глухим ворчаньем встретили андрофаги соседей. Волчьим блеском загорались глаза.

– Перс, перс! – кричали скелоты, размахивая топорами. И андрофаги с проклятьем вылезали из землянок, складывали шкуры на своих немногочисленных лошадей и гнали их в глубь леса.

Теперь Диамант и Теодор оставили свою телегу, пересели на лошадей. Тяжело было расставаться Теодору со своим добром, но здравый рассудок взял верх. Телега цеплялась за сломанные деревья и кусты, застревала в грязи – греки едва успевали за войском.

– Сначала я беспокоился, как бы продать побольше оружия скелотам, дальше – как удобнее уложить выменянные шкуры и мешки шерсти. Потом я мучился, что выбросить. Теперь я думаю: как добраться живым домой, хотя бы в одном хитоне, – печально говорил Теодор. Он похудел, от брюха и следа не осталось.

– «О Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который, странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен, многих людей города посетил и обычаи видел...»³⁰ –

---

³⁰ Первые строки «Одиссеи» Гомера. Перевод В. Жуковского.

Диамант смолк, хлопнул себя ладонью по щеке, размазал упившегося кровью комара. – Боги посылают нам испытание. Это вторая «Одиссея», и когда-нибудь поэты будут слагать о нас песни.

– Вместо пения сирен мы слышим вой волков, – печально усмехнулся Теодор.

Примерно через полтора суток в том же месте из шелковой палатки вышел Дарий.

Странный и жуткий в своей непонятности сон привиделся Дарию.

Они были снова вместе после смерти мага-самозванца и разыгрывали на царство жребий. Все было, как тогда. Решили: чей конь первым заржет при восходе солнца, когда они выедут за городские ворота, тот и будет царем. И вот Дарий рассказывает об этом своему безбородому смешливому конюху. «Господин! Если только от этого зависит, быть тебе царем или нет, то соберись с духом и не беспокойся – никто не будет, кроме тебя, царем. Есть у меня средство...» – отвечает конюх.

И видит Дарий, как конюх выводит ночью за ворота любимую кобылицу, как накрепко привязывает ее к столбу за воротами, как обводит вокруг кобылицы жеребца несколько раз и наконец пускает его к ней...

А утром, когда они по уговору садятся на коней и выезжают за те самые ворота, происходит нечто странное: жеребец не бросается вперед и не ржет, как это было тогда, семь лет назад. И никто не падает Дарию в ноги в знак признания власти, а все молча едут... Он хочет воскликнуть: «Давайте проедем еще раз!» – но уста не размыкаются...

Какие-то звери, напоминающие шакалов, но с более грубыми голосами, разбудили царя. Дарий глянул в черную темень, но, кроме догорающих костров, ничего не увидел. Вой несся издали, из глубины леса. Дарий ударил носком сапога раба, спящего у костра, тот разбудил других, и начали они бросать хворост в затухающее пламя. Но вой не прекращался.

Из соседней палатки выполз, по-стариковски кряхтя, Барт.

– Проклятые гиены разбудили владыку.

– Что это за твари? – Дарий указал в темноту. Ему хотелось, чтобы Барт истолковал сон.

– Это скифские шакалы, владыка. Как-то на моих глазах они вмиг разорвали и проглотили лошонка. Я думаю, что они по ночам тащат и уснувших воинов, царь...

Но Дарий не стал слушать нытья мабеда-мабедев. Не стал рассказывать сна. Послал за Видарной.

– Пусть твои люди прогонят этих тварей, они лишили меня сна.

Сотня бессмертных углубилась в лес. Тысячи стрел полетели в темноту, ударяясь о стволы деревьев, разрывая сплетения веток, туда, где мерцали зловещие огоньки. Огоньки зашевелились, потухли, что-то заерзло в лесу, захрипело, а потом огоньки замелькали вновь, и вой усилился.

– Пожирают убитых, – промолвил Видарна и вернулся к царю царей.

Не хотел Дарий сознаться себе, что леса угнетают его и пугают. Он задыхался в них. Путь от Истра и той большой реки был нестерпимо долог. Усталость почувствовал Дарий. Он провел в седле более десяти лет и еще семь лет в царской колеснице. Приходилось и выходить из нее, драться в пешем строю, несмотря на царское звание. А на троне в Персеполе почти не сидел...

Вой скифских шакалов стал невтерпеж. Еще не рассвело, а Дарий велел позвать мага-писаря, при светильнике продиктовал письмо к царю сколотов.

Вспомнил о пленном старом скифе, но Видарна сказал, что тот умер.

– Пусть самая быстрая сотня бессмертных догонит проклятых скифов. День и ночь не слезать с лошадей! Отправь же минуточку!

А войско Иданфирса вновь вышло к Борисфену, но уже с востока, когда привели невооруженных всадников в желтых плащах с красными широкими лентами на тиарах.

– Эти люди преследовали нас, пока мы не осыпали их стрелами. Тогда они бросили оружие на землю – и копья, и колчаны, и луки, и даже кинжалы. И мы их подпустили ближе. Дарий шлет тебе письмо.

– Перс обеспокоен! – Иданфирс взял папирус из рук гонца. – Собрать сюда вождей племен и старейшин.

– «Я, Дарий, Ахеменид, сын Гистаспа, царь царей, властелин Персиады, Вавилона, Мидии, Сагартии, Гедрозии,

Бактрии, Согдианы, Арахозии, Армении, Сирии, Лидии, Кавказу, Египта, Хорезма, Ливана, Палестины, Индии, Фракии, Ионии, пишу тебе, царю Скифии. Я спрашиваю тебя: почему ты все время удираешь? Если ты боишься моей силы, семидесяти семи племен азиатских и либийских, перестань удираешь, приди и обними мои ноги. Принеси мне, как властелину своему, в дар землю и воду, леса твои, рыбу в твоих реках, зверя в твоих степях, золото и серебро в твоих горах. Приди и покорись, а я, царь царей, определю твою дань ежегодную».

Вздрогнули бессмертные от криков возмущения, охватившего весь стан сколотов, теснее сдвинулись, конь к коню.

– «Знай, что мощный я и руками и ногами. Как всадник, хороший всадник я. Как лучник, хороший лучник. Как копейщик, я хороший копейщик. Помни об этом, царь Скифии. Бог и великий Ахурамазда, который эту землю создал, который небо создал, который человека создал, он меня, Дария, царем сделал, единым над многими. Все совершить я в состоянии. Помни об этом, царь Скифии».

– Брат Иданфирс! – вскричал Скопасис. – Перс называет нас трусами. Дадим бой. Я покараю Дария!

– Братья! Авхаты оставили поля и селения. Жены и дети наши прячутся. Созревает на полях хлеб. Скоро жатва, а мы, далеко. Что нас ждет зимой? Что ожидает остальных сколотов без нашего хлеба? Лучше погибнуть в бою, нежели умирать с голоду.

Старейшина катиаров Басадос ждал момента вставить

СЛОВО:

– Мне радостно слушать отважных братьев моих, – начал он. – Но я видел персов вблизи. Это сила огромная, неисчислимая. У нас нет и третьей части войска Дария. Но недобольство подтачивает его воинов. Страх вселяется в их душу. И чем дальше заведем мы персов, тем больше страха нагонят на них наши боги. Я разъезжал по стану персов и слышал всякие разговоры. Грек Коэс имеет ремешок, на котором ежедневно завязывает узелки. Я спросил у него, зачем он это делает. Коэс не думал, что я смогу убежать, и он сказал: греческие тираны, которые строили мост через Истр, будут ожидать персидское войско и стеречь мост шестьдесят дней. Так приказал Дарий. Когда я в последний раз видел Коэса, он завязал тридцать пятый узел. Шестьдесят дней скоро минует. Персы беспокоятся. Я видел ремешки с узелками у многих воинов.

– Пусть царь персов хоть в десять раз сильнее! – воскликнул Скопасис. – Катиары хотят встать лицом к врагу! Я готов драться с пятью персами одновременно. Это говорю я, Скопасис. Если же брат наш Иданфирс нездоров, пускай передаст золотой топорик другому царю...

– Надо выйти из этих лесов, – заметил царь траспов. – Что за битва среди кочек и деревьев, когда и руке с копьем негде разгуляться?

Иданфирс оглядел вождей и группу побледневших бессмертных.

– Братья мои цари! Коварный перс хочет обмануть нас. Он пишет хитрое письмо, и у некоторых разум застигает гнев. Персу только этого и надо. Но кто из вас скажет, что я удираю от него? Я делаю то, что делал и в мирное время. Я выпасаю скот и каждый день выбираю новые пастбища. Я не имею ни городов, на обработанной земли, чтобы опасаться за них. Когда перс догонит мои стада и будет угрожать им, я стану на бой. А сейчас и я, и мои стада, и мое войско в безопасности.

Иданфирс наблюдал, какое впечатление произвели его слова. Пата смотрела на Иданфирса с улыбкой. В знак согласия кивает головой краснощекий тяжкотелый царь траспов. Задумались другие вожди, поглядывая на старого воина Басадоса, который побывал во вражьем стане и знает, что говорит. Только Скопасис горячился: Иданфирс чересчур спокоен, и это может плохо кончиться для сколотов.

– Передай послам персидским, – приказал Иданфирс Басадосу, не обращая внимания на речи Скопасиса, – что властелинами над собой я признаю лишь Папая, моего бога и предка Апи – праматерь мою, Табити – хранительницу очага моего, Фагимасада – покровителя в боях. Дарию же пришлю подарки, пусть запасется терпением и ждет.

3

За Борисфеном, на сухих высоких местах, на просторных лесных полянах, начали попадаться селения невров. Услышав о нашествии, невры оставили селения еще до прихода сколотов.

Бродили волки покинутыми селениями, уверенно, по-хозяйски рыскали в поисках добычи и не обращали внимания на ездоков.

– Это невры! – воскликнул Басадос, указывая на зверей. – Я знаю, они обращаются в волков...

Воины обходили селения, не трогая волчьих стай...

Но недолго сдерживали доводы Иданфирса царей сколотских и вождей племен.

– Хорошо, братья мои, – сказал Иданфирс на совете, – время принять бой. Но выйдем из этих болот на земли агафирсов. Там развернем свой строй и станем против Дария. Так я думаю.

– Царь Иданфирс сказал мудро. Надо покончить с персами. Чтобы впредь не зарились на землю нашу. Мост через Истр – единственный обратный путь Дария. Греки с шестьюстами триерами охраняют его. Но греки-ионийцы стремятся к свободе – так объяснил мне один ольвиец. Если они действительно хотят этого, мы им поможем. И греки должны помочь нам. Пусть разберут мост.

– Старейшина Басадос был среди персов, и, очевидно, сам Папай навеял ему эту мысль. Пусть царь его Скопасис и сам он едут к Истру, – молвил Иданфирс.

– Царица Пата с дружиной поможет катиарам, если греки будут сопротивляться, – сказала Пата, и все одобрительно закивали головами.

– А чтобы не думал царь Дарий плохо о нас, с завтрашнего дня начнем тормозить его, – блеснул зубами Иданфирс. – А особенно под вечер, когда усталые персы усядутся есть...

Скопасис радовался, что Пата вызвалась сопровождать его и катиаров. Но не понравилось иное – царь Иданфирс усылает его прочь от основного войска, чтоб не спорил и не смущал других... Сейчас, когда за спиною многочисленный враг, не время противиться Иданфирсу, не время показывать, кто из них сильнее. Но после победы сколоты поймут, кто должен стоять во главе всего войска.

...Хотя много в лесу тропинок, но тропинки Аспака и Опии сошлись. И оружейник, давший себе слово даже не смотреть в ее сторону, спросил:

– Зачем савроматы носят бронзовые зеркальца за поясом? Я свое давно выбросил.

Опия испуганно взглянула на юношу.

– Как? И ты не боишься теперь? У савроматов бронзовое зеркальце самая дорогая вещь. Если разобьется или потеряется зеркальце – погибнет скоро его владелец. Посмотри в мое, только не урони!

На золотистой глади зеркальца проступали лепестки крупной ромашки, а стебелек ее переходил в держак. Аспак посмотрелся в ромашку, пустил зайчик на хмурый, заросший мхом ствол осины.

– Почему не поехала со мной? Почему удрала?

– Савроматки умеют себя защищать.

– Я хотел, чтобы ты стала моей женой.

– Но ты не спросил меня. – Опия забрала у Аспака зеркальце, вложила его в футляр.

– У сколотов мужчина сам выбирает жену.

– Сколоты имеют не одну жену?

– Да, чем более знатный муж, тем больше у него жен.

– Сколько у тебя?

– Ни одной еще, – смутился Аспак, но глаза Опии радостно блеснули, и Аспак понял, что девушка не презирает его. – Ты будешь первой.

– Я хочу быть единственной женой у своего мужа.

– Не так у сколотов. Когда муж погибает в бою или умирает, жена ложится рядом с ним в могилу.

– Живая жена?

– Она убивает себя. Чтобы вместе быть и в стране мертвых. Так принято у сколотов.

– Нет у нас такого обычая. Я не смогу жить среди сколотов. Савроматки владеют луком, копьем, ездят верхом. А ваши женщины сидят на возах и выполняют рабскую работу.

– Не хочешь стать женой сколота?

– Если какому-то сколоту я понравлюсь, а он мне, то пусть берет свое и идет со мною жить на Танаис, как делали когда-то прамати и праотцы савроматов.

Чтобы он, Аспак, изменил роду, бросил катиаров и отправился в страну савроматов? За это боги покарают его, а Табити не пошлет ему сына... Надо забыть Опию. Среди сколотских девушек Аспак найдет верную жену, боги пошлют ему и стада, и табуны, и детей.

Аспак повернул лошадь и исчез между деревьев. Опия придержала своего гнедого, глядя вслед. Не рассказала ему Опия еще об одном обычае савроматском. Не может иметь мужа савроматка, пока не убьет хоть одного врага...

Утро выдалось ясным. Солнце еще пряталось за стеной деревьев, но над широким озером оно чувствовалось во всем: в прозрачном воздухе, в чистой воде, в росистой траве и ветвях.

Аспак снял с шеи гривну, расстегнул острополюю куртку, вышитую на воротнике и груди сорочку. Бережно положил на землю фигурку Табити. Разделся, взял в руки комок глины и натер лицо, грудь, ноги, нырнул и долго плавал, разводя руками щекочущие водоросли. Вода была теплой, теплее воздуха.

Опия с подругами подошла к озеру с противоположной стороны.

Раздевшись, девушки прыгнули в воду. Опия осталась в одной рубахе на берегу в кустах. Узнала Аспака. А тот, ед-

ва посмотрев на савроматок, стал на отмели, закинул голову, повернулся в сторону, где всходило солнце за деревьями. Положил руки на воду, расслабив мускулистые плечи. Прозрачные капли стекали со светлой бороды и длинных, до плеч, волос. Стоял зажмурившись.

И Опии из-за куста захотелось коснуться Аспака, она даже руку протянула. А в другой зажала гривну с бронзовыми львицами.

Сквозь лес пробился резкий звук рога – то глашатай Иданфирса звал в дорогу.

– Почему не купалась? – спросила подруга.

Опия вздохнула и лишь теперь расслышала звуки рога. Подумала: не везет ей, савроматы отправляются к Истру, и неизвестно, встретит ли она там хоть одного перса. А сколоты будут добывать здесь персидские головы. Опии стало не по себе – так и возвратится она с войны без единой вражьей головы...

Подруги побежали, Опия шла медленно и скоро отстала. Она смотрела из-за деревьев, как собираются савроматы и катиары. Царица Пата несколько раз оглянулась, вероятно, в поисках Опии; вот она говорит что-то служнице, и та побежала к озеру. Опия взобралась на дерево. Уселась на толстой ветке, тяжело вздыхая. Пусть царица едет к Истру на переговоры с греками, Опия не упустит возможности снять хоть одну голову перса. И добудет-таки право выбрать себе возлюбленного. Девушка вспомнила слова Аспака: «Я хотел,

чтобы ты стала моей женой», его русую бородку, купанье...

Обоз савроматов оставался при Иданфирсе. Это хорошо, подумала Опия, позже она незаметно присоединится к своим.

– Где была? Служанка царицы искала тебя, – только и сказал земляк Опии.

– Заблудилась, дядя, я в лесу.

– Оставайся теперь с нами. Где ты будешь искать царскую свиту? Савроматам эти места неведомы.

4

Гобрий, склонившийся над греческим планом земли скифов, резко повернулся к Дарию:

– Надо поворачивать к Истру на полдень. Нечего делать в болотах, здешние племена все равно разбежались, и от их пожитков мало пользы, даже отар нет. Конница скифов нападает на нас с юга. Значит, их главные силы там.

Барт пытался было сказать, что болота преградили путь из-за грехов наших да еще за нарушение законов Заратустры, но его остановил взгляд Дария.

Барт подумал, что, будь царь из магов-мидийцев, все развернулось бы иначе. Вот маг, которого убил Дарий, всего восемь лун стоял у власти, а сколько... Барт испугался своих мыслей и оглянулся на присутствующих. Дарий чересчур терпим не только к иноверцам-персам, но и к покоренным народам. Смешно вспомнить! В Вавилоне, когда царь усмирил непокорных, оставил нетронутым золотую статую нагого мужчины – вавилонского бога. А хорош кусок – больше десяти локтей высоты. Так нет, оставил вавилонцам, хотя каждому ясно, что золото, оно только золото, и не может бог иметь человеческое подобие.

Нет, слаб царь Дарий, вот если бы... Барт снова опасно оглянулся. В шатре окончили обсуждение и ждали от царя последнего слова.

– Поворачиваем на полдень, – молвил царь и, подойдя к Гобрию, склонился над планом.

Кони и люди повернули на юг, но еще долго чавкала грязь под ногами и засасывала колеса, а над ними висли тучи комаров и мошек.

Наконец головные отряды ступили на твердый грунт.

Переезжая неглубокий овраг, Гаусана встретил скифов. Это была большая группа всадников. Скифы заметили врагов, но двигались спокойно, даже несколько торжественно. Отряд Гаусаны настороженно остановился. Теперь персы уже могли хорошо разглядеть скифов. Их было несколько сотен, ехали они скученно, окружив повозку, в которой сидело пять седобородых стариков.

Гаусана дал команду к бою, но от группы скифов отделился один воин и направился к отряду персов. Скиф вынул из ножен меч, переложил его в левую руку и снова вложил в ножны. Потом он снял с пояса лук и проделал с ним то же. К нему присоединился еще один старый скиф и зычным голосом выкрикнул:

– Мы едем к царю Дарию. Проводите нас!

Дарий принял послов, как и подобает царю. Стража ввела пятерых скифов, и их дорожные одежды – темно-коричневые и грязно-серые – подчеркивали пышность и блеск приема. Это были седовласые старики, четверо из них несли что-то, закрытое тканью. Они вышли на середину палатки, остановились перед троном, и один из них выступил вперед:

– Наши цари велели вручить тебе, Дарий, эти дары, – молвил и отступил в сторону.

Старики сделали несколько шагов к трону и, наклонившись, положили на ковер каждый свою ношу.

На ковре в ряд стояли клетки, сплетенные из прутьев, а на краю лежала связка стрел. В крайней клетке порхала маленькая серая птичка, в средней металась полевая мышь. Она на миг останавливалась, смотрела перед собой точками глазок и вновь рыскала по клетке. В последней клетке помещалась большая серо-зеленая лягушка. Она сидела спокойно. Только светлая кожа быстро надувалась и спадала.

– Что это значит? – спросил царь у старшего скифа.

– Наши цари считают, что у тебя много советников и ты сам мудрый, чтобы разгадать значение даров. Ничего больше не велено передать тебе, а приказано немедленно возвращаться. Так прикажи, царь, воинам проводить нас в открытую степь.

Когда Дарий кивнул страже и скифы вышли, в палатке воцарилась тишина.

– Говорите, – приказал Дарий.

Первым выступил Барт:

– Я думаю, что птичка – то конь, а мышь – то земля, о великий царь, а лягушка – то, конечно, вода.

– Я одобряю твою разгадку. Вот я посоветовался с богом Ахурамаздой и говорю вам: мышь живет в земле и ест ту же пищу, что и человек, лягушка живет в воде, а птица подобна

коню. Стрелы – это военная сила. Все это значит, что скифы отдают мне себя, свою землю и воду. Это победа, они сдаются.

Все одобрительно зашумели, и Барт сказал:

– Слава велемудрому богу Ахурамазде и его великому сыну, воинственному и могучему Митре, который даровал тебе, царь царей, эту большую победу...

– Подожди, – прервал его речь Гобрий. – Может быть, еще кто желает растолковать значение даров?

Но все молчали.

– Тогда я скажу, – продолжал Гобрий. – Можно ли считать, что скифы признали себя побежденными? Я думаю, нет. Не было ни одной битвы. Наши войска обессилены, и неведомая хворь преследует нас. Скифы знают об этом. Мы сейчас слабее, чем были в начале похода, когда скифы и не думали сдаваться нам. Я много слышал о скифах. Они никогда по доброй воле не сдавались.

Гобрий перевел дыхание. Никто не помнит, чтобы он-так много говорил. Но это было не все. Он сурово взглянул на Барта и снова обратился к Дарию:

– Мне кажется, что скифы хотят вот что сказать своими дарами: «Если вы, персы, не станете птицами и не полетите в небо, или не станете мышами и не спрячетесь в землю, или лягушками не прыгнете в воду, то сгинете от стрел наших!»

Дарий нахмурился и искоса взглянул на Видарну. Тот промолвил:

– Серьезное дело. Надо поразмыслить, обсудить.

Царь в ответ сердито потер ухо и приказал удалиться всем, кроме Гобрия и Видарны.

– Я согласен с толкованием Гобрия, – Видарна будто продолжал внезапно прерванную речь. – Скифы сильны сейчас, как никогда. Нам необходимо быть настороже.

– На месте скифов я бы именно теперь начал атаковать, – вставил Гобрий.

– На стоянках надежно укреплять лагерь и выставлять двойной дозор! – прозвучал наконец голос Дария. – Время покажет, кто прав в толковании даров...

...Под вечер сотню Гаусаны сменили на страже около шатра Дария. Сотник направился к ближайшему костру. Люди его сотни раздвинулись, и Гаусана достал из-за пояса широкий вавилонский кинжал. Раб-гетт провернул в очередной раз обломок копья, на котором был насажен чудосочный старый баран, и Гаусана, ни на кого не глядя, отрезал левую лопатку. Достал из мешочка соль, перец, вонзил в мясо крупные ровные зубы. Только после этого к барану потянулась рука десятника...

Гаусана отбросил за спину обглоданную лопатку и вытер руки о плащ. Оглянулся. Луна поднялась над горизонтом на две лошадиные головы.

Сидел в стороне, думал: покупка второго строевого коня, снаряжения и запасов вина обошлась куда больше платы, которую он получал раз в шесть лун. Правда, перепало немного серебра от Видарны за пленного скифа и добыта еще одна палатка. Она теперь очень пригодилась... Гаусана привстал и отпил глоток вина.

Но что все это в сравнении с его нуждами? Ведь пора подумать о своем доме. Ему пристало иметь не меньше трех жен. Для этого необходима удача в походе... А тут, в Скифии... Что-то неладно с самого начала... Столько времени гоняться за врагом – и не догнать! Люди недовольны: не хва-

тает еды, одежда изнасилась, вино кончилось, непонятные хвори появились, и знахари не в силах справиться, а главное – не видно всему этому конца-края.

...Вчера разнимали саков-рыбоедов и вавилонцев. Угнал кто-то у кого-то три кобылицы и, конечно, съели. Дошло до резни. А раньше люди его же сотни угнали пару овец у мидийцев. Он покрыл своих, но...

Гаусана легко вскочил на коня и направился в объезд оврага.

Тихо свистнул. Тотчас послышался ответный свист.

– Приветствую тебя, господин.

– Она уже тут? – тихо спросил Гаусана.

– Да, господин, – ответил раб.

Гаусана не сразу различил Тию в полумраке палатки. На толстом войлоке лежали на бронзовом подносе зажаренные куропатки и кусок копченого мяса, заманчиво мерцали на серебре засахаренные фрукты, а две глиняные амфоры обещали терпкую прохладу. Сотник опустил на войлок, Тия, следя за каждым его движением, присела рядом.

Гаусана жадно набросился на еду. Давно уже общие скудные трапезы у костра не насыщали его. Все меньшую пайку выделял осмотрительный Видарна воинам. Поэтому то, что приносила Тия со стола Видарны, было как нельзя кстати. Ведь воину надо иметь сытый желудок, тогда рука его будет тверда, а глаз зорким, и он вернется домой с победой и добычей.

Потом Гаусана, опершись на локоть, рассматривал Тию. Она совсем непохожа на женщин из обоза, которые, садясь с мужчинами, хватают еду из-под рук. Тия ведет себя как настоящая жена. Муж должен наестся, в это время нужно подавать и угождать. Правильно ведет себя. Ведь у них уже все сговорено. Тия будет его, Гаусаны, старшая жена. Она знает дело, насмотрелась у Видарны. Заведет в его доме порядок знатных людей... Гаусана протянул руку и ощутил под гладким прохладным шелком ее тело...

Непонятная тревога пробудила сотника. Казалось, что никакой причины не было. Рядом ровно дышала Тия, за положом палатки ворчал во сне раб, в ночном лагере – знакомый глухой шум. Лениво ворочались привычные мысли о доме в долине под Персеполем, о трех женах и старшей из них Тие... Потом выплыла картина знакомства с ней, когда перед мостом через Истр Видарна послал его в обоз проследить за переправой своего добра и женщин. Гаусана сразу приметил старшую служанку, но подле неотступно крутился евнух. Только на мосту, когда обоз растянулся, им удалось перемолвиться словом...

Новые звуки ворвались в ночь, в полудремоту сотника. Он несколько мгновений помедлил и вскочил. Сомнения не было: ночной набег. Гаусана разбудил Тию и раба. Топот и крики слышались со стороны оврага. Сотник приказал Тие вернуться в толстую войлочную подстилку и резким ударом выбил опору палатки – нападающим не придет в голову под-

нимать палатку, а подстилка предохранит Тию от возможных ударов копыт. Потом сотник выхватил копье у первого попавшегося навстречу воина и пустил коня галопом. Сжимая толстое для его руки древко, Гаусана врезался в темный клубок людей и коней, сплетения разноязыких криков.

Крики, удары мечей, стоны, храп лошадей, проклятье – все это быстро приближалось. Тия лежала, укрытая палаткой, сжавшись в комок. Уже сопят рядом кони, кто-то упал, земля дрогнула. Над ней ревели, гикали, ржали, плевались, проклинали, захлебывались кровью, падали с коней воины персов и сколотов.

Но один звук, надрывный и тошнотворный, не смолкал, не унимался, а вскоре пересилил звуки боя – то был рев перепуганных мулов и ослов. Тия не сразу поняла, что это, потом ее даже затошнило от этого гадкого крика, казалось, что ревет не скот, а его желудки.

Крики людей, свист и удары нагаек по конским бокам – все это внезапно удалилось и стихло.

Тия выбралась из-под палатки. Отовсюду стоны. Испуганно мечутся лошади без всадников. Умолкли ослы и мулы. Тия побрела, наталкиваясь на тела, щиты и копья.

– Ох, проклятая стрела, – послышался знакомый голос.

Тия пошла на стон. Раб Гаусаны!

– Кто это? А-а... Помоги вытянуть стрелу... Сидит глубоко. Тяни! А-а-а!! – Раб ударил ее ногой в грудь. – Оставь меня. Стрела с зазубриной. Ты разорвешь мне внутренности.

Их лошади испугались рева наших ослов... Эти глупые, эти упрямые твари... помогли нам... Иди отсюда!

– Но рана не заживет, если не вытянуть стрелы.

– Не прикасайся... Или я заколю тебя!

Тия вытянула руки, ощупывая темноту, упала на чье-то большое тело. Нагнулась, рассмотрела мертвого мидийца с накладной бородой, которая отвязалась и лежала на спине, шею воина сжимала петля, веревка тянулась, в сторону. Тия зажала веревку, ступила за ней несколько шагов и снова упала, зацепившись за другое тело.

Нащупала кожаный кафтан. Решила снять – пригодится, уж очень холодные здесь ночи. Кафтан липкий, наверное, в крови, но не беда – завтра отмоет. Перевернула тело – уж больно легкое, и кафтан будто с мальчика. Тия наклонилась к убитому, различила безбородый и безусый профиль, простенькую сережку в ухе, веревка, тянувшаяся от мидийца, была накручена на локоть. Хм, юный скиф. Живой еще. Воин застонал, в горле заклокотала кровь. Белая рубашка, заправленная в штаны, а между лопаток – кровавое пятно.

Из-за туч вышла луна. Тия повернула мальчика на спину – хотелось рассмотреть лицо скифа.

– Амазонка!

Постояла над воином. Амазонка среди скифов! Подложила ей под голову кафтан, рукавом вытерла кровь с подбородка. На Тию смотрели темные, полные муки большие глаза. Блеснула на шее бронзовая гривна со львицами. Стисну-

тые уста сдерживали стон, но разжались судорожно, выпустив струйку крови...

А на Истре изнывали от безделья греки. Тираны ионийские разбили свой лагерь на высоком правом берегу, спасаясь от жары в гротах. Продик из Эдеса и Гистией из Милета играли в кости. На круглый столик с отполированной поверхностью падали ребристые агатовые камешки.

Мильтиад из Херсонеса сидел на камне, на открытом солнце, бросал в воду гальку. Ветер спрятался от зноя в камышах противоположного берега. Вдоль него, сколько видно глазу, стояли вытянутые на сушу греческие триеры. Люди на них еле двигались. Неторопливо конопатили щели, смолили, обивали весла бронзовыми пластинами.

Мост терялся в плавнях. Две триеры, на одной из них тиран из Самоса, плавали вдоль моста, охраняя его.

Мильтиад сбросил хитон и пошел к воде. Гистией, закончивший игру, крикнул Мильтиаду, чтобы тот обождал.

– Знаешь, друг, когда-то меня считали лучшим пловцом Милета.

– Так давай посоревнуемся, уважаемый Гистией, кто быстрее доплывет до двадцатого плота!

Прыгали в воду. Фонтаном взметнулись брызги. Продик отодвинул кости, моряки бросили свои дела. Весь высокий берег смотрел на пловцов. Худощавый Мильтиад опережал упитанного, старшего лет на десять Гистиея. И тот понял,

что проигрывает, лег на спину, тяжело дыша и отплевываясь. Мильтиад не заметил этого. Когда доплыл, схватился руками за колоду, завертел головой, плечи быстро поднимались и опускались. Посмотрел назад и весело рассмеялся.

– Ты плохо себя чувствуешь, уважаемый Гистией? – крикнул.

– Мне просто не захотелось плыть дальше, – безразлично ответил Гистией и лениво направился к берегу.

Мильтиад взобрался на мост и пошел назад. Ступал с колоды на колоду, ощущая ступнями теплую шершавость. На берегу повалился на песок, зажмурил глаза.

...Он увидел зеленые оливки Афин накануне праздника Великих Панафиней. Мильтиад идет не спеша по Керамику³¹, видит предпраздничный люд, видит, как украшают корабль, стоящий возле Аэропага.

Между праздничными белыми хитонами горожан, подбитыми бахромой и расшитыми яркими узорами, выделяются оранжевые одежды жрецов. Побеленные заборы и стены домов слепят глаза, а высокая голубизна неба благословляет будущий праздник.

В стороне остался Пникс, а Мильтиад блуждал по улицам, пока не попала ему на глаза стройная девушка в желтом хитоне. Темно-русые волосы девушки были причесаны в большой узел на затылке и убраны под сетку. Неправильные черты ее смуглого лица представились Мильтиаду необыч-

---

³¹ К е р а м и к, П н и к с – районы Древних Афин.

но красивыми, а тихая печаль в глубине глаз завлекла его. Мильтиад искал и находил взгляд девушки, чувствовал теплоту тяжести его в своих глазах, в своем сердце.

Девушка прошла мимо, в сторону Акрополя, не оглядываясь, а Мильтиад, следуя за ней, мог видеть гордую походку и сандалии, легко ступавшие по плитам, а впереди, вверху, возвышалась медная Афина с копьем. Толпа разлучила их...

Долго и напрасно искал он ее потом в суете шумного города. Соревнования, игры, пение в Одеоне – ничто не привлекало Мильтиада, и утром, перед началом процессии, его потянуло к морю.

По пути к Пирейским³² воротам он на некоторое время смешался с толпой горожан. Отмеченные венками победители, вооруженные воины, женщины с кувшинами на головах – все это вскоре осталось позади, и около полудня Мильтиад очутился в Пирее.

Тут они встретились вновь. Девушка одиноко стояла возле усыпальницы, будто ожидая кого-то, а потом они шли рядом...

Было солнце, и бархат волн, и чистая, нежная голубизна неба, обвенчавшая их. Они любили друг друга, и неугомонно шумящее море белой пеной, как пышными цветами, украсило их.

Мильтиад восторженно смотрел на нее, всю залитую лучами, когда море топило солнце в потемневшем просторе

---

³² П и р е й – порт вблизи Афин.

волн, на ее статную фигуру, на красные волосы, спадающие на округлые плечи. Стройные ноги с широковатыми икрами придавали ей легкую монументальность, и можно было понять мастеров-ваятелей, которые творили по такому образцу.

Они возвращались в город. В свете факелов ходили справа налево двудонные кубки и ревел веселый пир. Они молча несли мимо людей свое счастье, ибо негоже девушке-жрице любить кого-нибудь, кроме богов.

Они вошли в храм. Недостижимая, суровая Афина смотрела на них. Плечом к плечу стояли, угнетенные величественной пустотой храма. Девушка встrepенулась, коснулась рукой подбородка и колен... С неистойвой верой молила она лучезарную Афину-заступницу благословить их любовь, простить, спасти их своей силой.

Мильтиад смотрел, и слушал, и начинал верить, что счастье возможно. Вокруг вздымались, мигали пламенем светильников стены, и взирала на них загадочная богиня. Потом они молились вдвоем – в отчаянии, не слыша собственных слов, не замечая ничего вокруг, и только свежее дуновение ветра вернуло их к действительности. Они очутились среди просторов степного ковыля. Ни единого живого существа, только они да степь, и мрак ночи, и таинственные сезвездия, глядящие сверху на неисповедимые пути человеческой жизни и человеческой любви...

Мильтиад сел, не мог сообразить, где он, что с ним...

Немилосердно палило солнце, сверху доносились голоса Продика и Гистиея.

Гистией подумал, что поступил неосмотрительно, состояясь с Мильтиадом в плавании. Ведь именно ему, Гистиею, Дарий поручил охрану моста и присмотр за греками. Мильтиад из Херсонеса, этот сын красильщика, мальчишка по сравнению с ним, хоть и побывал архонтом в Афинах. А все от жары. Лишила Гистиея рассудка на глазах всего войска.

Пока Гистией размышлял, на противоположном берегу возникла непонятная суматоха.

Маленькие фигурки сбегали по лестницам с триер, поблескивали щиты и кончики кольев.

Гистией, Продик и Мильтиад побежали к триерам. Ударили весла по воде. Начальники понукали гребцов, и расстояние до берега быстро сокращалось.

Гоплиты, по колено в воде, окружили подступы к мосту. И когда над камышом показались луки и войлочные шапчонки всадников, греки прикрылись щитами и подняли копья.

Скифы! От греков их отделяла стадия земли, очищенной от камыша, по распоряжению Гистиея.

Скифов было немного – около двух тысяч. Гистией облегченно вздохнул. Подплывали новые триеры, из них выходили воины. Скифы наблюдали.

– Что надо славным сколотам? – обратился к ним Гистией.

Горбоносый скиф в бронзовом шлеме, в окружении воинов, и женщина в сопровождении безбородых всадников

остановились на расстоянии полета копья, вынули из ножен мечи, переложили их в левые руки, затем вложили мечи в ножны и прижали десницы к груди.

– Греки! – воскликнул горбоносый. – Не с войной пришли мы к вам. Мы принесли вам свободу. Если хотите, выслушайте нас.

Гистией подал знак, и скифские послы подъехали ближе. Молодой русский скиф с чашей-черепом у седла опустил на землю перед Гистиеем большой мешок. Гистией заглянул в него и увидел лоснящиеся черные шкурки выдр.

– Это вам, правители городов Анатолии и островов. Цари сколотов шлют подарок и просят их выслушать.

– Прошу, прошу, – засуетился Гистией.

Послы спешили, пошли за Мильтиадом, Продиком и остальными тиранами на триеру Гистиея. Здесь, на палубе, рабы натянули большой тент. Поставили амфоры с вином, свежие фрукты. Уселись на мраморных скамеечках, и Гистией, нарушая греческий обычай (солнце было еще высоко), приказал рабам поднести всем по полному килику вина.

– Греки! Соседи наши! Мы узнали, что Дарий приказал вам стеречь мост только шестьдесят дней, – начал Скопасис.

– Истинно говоришь, скиф, – кивнул головой Продик.

– А если он не возвратится с войском через шестьдесят дней, то вы можете плыть домой...

– Да, да, – быстро заговорил Гистией. – Я поставлен старшим над греками. Ты верно говоришь: шестьдесят дней и

ночей приказано стеречь мост.

– Переждите эти дни, а потом уходите отсюда. Вы ничем не провинитесь ни перед Дарием, ни перед нами.

– Скифы правы, – промолвил Мильтиад. – Выполнить требования Дария, но не больше.

– Персы застряли в болотах Неврии, – повысил голос Скопасис. – Царь Иданфирс готовится к последнему бою. Войско Дария обессилено. Мы постараемся, чтобы оно не увидело этого моста. Греческие города не будут отныне платить Дарию дань.

Тираны одобрительно закивали бородами. Гистией с неудовольствием подметил это. Главное сейчас – пусть скифы скорее убираются прочь. Гистией откашлялся:

– Думаю, правители полисов поддержат меня, если я скажу, что согласен с твоим условием, храбрый скиф. Но срок еще не миновал. Возвращайтесь спокойно назад и делайте свое дело, а мы будем делать свое, пока кончится срок.

– Разве... – раскрыл было рот Продик, но Гистией остановил его, выставив открытую ладонь вперед, и велел рабам наполнить чаши вновь.

– Где гостям приготовить ночлег?

– Спасибо за гостеприимство, но мы сейчас же возвращаемся обратно. Царь Иданфирс ожидает от нас вестей.

Послы выпили вино, быстро поднялись и пошли к лошадям. У бедра женщины колыхался колчан, наполненный стрелами, и греки неотрывно смотрели вслед амазонке...

Первым вскочил с места Мильтиад.

– Итак, мы свободны! Хвала богам Олимпа.

– Шестьдесят дней уже давно минуло!

– Почему ты не сказал им об этом, уважаемый Гистией?

– Тираны полисов ионийских! Вы плохо знаете скифов.

Они очень самоуверены, хотя и храбрые воины, боги тому свидетели. Скифы только собираются дать бой Дарию, а значит ли это, что Дарий уже побежден?

Гистией обвел всех глазами, и даже у Мильтиада потух взгляд.

– Вы знаете силу Дария, и скифским ли племенам тягаться с ним? Хорошо, пусть мы выполним свое обещание скифам. А если Дарий разгромит их, придет к Истру, не найдет моста и не застанет нас? Что тогда? Обманутый победитель страшен.

– Но шестьдесят дней миновало?

– Вы хорошего мнения о царе Дарии. Я же бывал в Персеполе и кое-что понимаю в царских обычаях. Последовательность в поступках – не главный закон царя царей...

– Досточтимый Гистией верно говорит, – вмешался Продик, – нам надо выждать. Кто победит – покажет время. Не будем уходить от моста и обождем вестей о решающей битве.

– Я жду еще декаду – и ни дня больше! – крикнул Мильтиад. – Я заберу свои триеры и поплыву к Понту. Боги пошлют кару на головы наши за криводушие!

Между тем Иданфирс с основным войском вышел к По-

рате, где начинались владения агафирсов. Предгорья Карпаса – удобное место для боя. Но царь агафирсов не дал осуществить это намерение. Над Поратой стали его вооруженные всадники, а сам царь выехал навстречу сколотам.

– Сосед! – сказал царь агафирсов. – Ты привел воинов к моим границам. Дошла весть, что ты заманил персов к неврам, и вы вместе разорили их селения. Если ты намерен то же сделать и с нашими, то ошибаешься. Агафирсы не будут удирать подобно неврам. Сворачивай на восход солнца и не переходи Порату – иначе будем воевать с тобой. Так решили старейшины, так решил я, царь агафирсов.

И вернулся к своему войску, поблескивая на солнце золотым шитьем плаща.

Цари сколотов стали совещаться.

– Агафирсы никогда не были хорошими воинами, – сказал царь авхатов.

– Не думаю, чтобы они собрали войско больше нашего, – добавил царь траспов.

– Но не забывайте, братья, кто стоит за нашей спиной. – Иданфирс повернулся лицом к северу. – Сейчас сколотам лучше иметь поменьше врагов. Когда покончим с персами, расквитаемся и с дерзкими агафирсами. А теперь, братья-цари, поворачиваем на восход солнца и будем искать место для решающего боя.

– Так, царь, так. Мудро говоришь.

Когда лучи солнца одолели мрак ночи и око небес Митра оповестил о начале последнего дня последнего летнего месяца гарманада, Дарий и все персы увидели то, чего так долго ждали и к чему так стремились. Вдали, на равнине, разместилось войско скифов. Они пришли ночью и, не разжигая костров, стали против персов. До сих пор такие неуловимые, теперь спокойно готовились к бою.

Дарий чувствовал, что давно ожидаемая битва почему-то не тешит его. Он понуро смотрел на стан противников и вспоминал долину Мугабо³³, чем-то подобную этой равнине... Но воспоминание о прошлой победе не развеяло угрюмости. Царь созвал совет. Теперь решающее слово, несомненно, принадлежало Гобрюю, и начальник латников понимал это. Всегда предусмотрительный и уравновешенный, он спокойно отдавал приказания, даже Барт не проявил признаков непослушания.

Тут же отправили богослужение, запели гимн божеству, несущему победу:

И в пятый раз явился Митра
В личине вепря,

---

³³ В долине Мугабо в Средней Азии Дарий разгромил большое восстание местных племен.

Который летит вперед с острыми клыками...

Гобрий слушал знакомые слова и думал, куда поставить вавилонцев. Они вовсе не хотят воевать, эти ленивые вавилонцы, и Гобрий желал избавиться от них. В первой линии их сразу сомнут скифы, и это произведет плохое впечатление на все войско. В первую линию следует поставить саков. Они и одеждой походят на скифов и наверняка знают все скифские приемы боя.

Солнце прошло почти четверть своего дневного пути, когда войска персов и скифов начали сходиться. Ряды скифской пехоты двинулись и остановились как бы в нерешительности, нестройными линиями. Дальше шевелилась конница.

Эта кажущаяся нерешительность врага толкнула Гобрия двинуть в атаку латников. Отборная тяжелая конница должна произвести устрашающее впечатление на скифскую пехоту. Железные шлемы с маской, все тело защищено панцирем, даже кони покрыты попоной в железных пластинах.

По сигналу Гобрия железная лава двинулась на нестройный фронт скифов. Разгоряченные боевыми криками кони мчались слитые в одно металлическое целое с всадниками. Острые копыта, прикрепленные ремнями к крупе, выдвинуты вперед.

Но, когда до скифских рядов оставалось меньше броска копыта, навстречу персам выбежала часть воинов. Гобрий даже опешил от неожиданной удачи, ведь латникам ничего не

стоило смять и уничтожить неосмотрительных врагов. Скифы же, сблизившись с латниками, вдруг присели и нырнули под коней: одно колено на земле, голова и спина на уровне копыт. Когда латники проскакивали над присевшими скифами, те кинжалами и мечами наносили удары по конским животам. Обезумевшие животные сбрасывали седоков, они барахтались на земле, беспомощные в своей тяжести, а скифы закалывали их, находя в броне уязвимые места. Гобрий, опомнившись, подал сигнал к отступлению. Латники медленно развернулись и устремились назад. Им в спину посыпались стрелы и копья, не принося, правда, особого вреда. Нелегко пришлось и скифам первой линии: многие погибли под копытами, многие заколоты и порубаны. Однако атака была проиграна, латники отступили, а скифская пехота двинулась вперед.

Тогда Гобрий приказал выстроить персидских и мидийских копьеносцев, а на крыльях – конных саков. Эта линия должна принять ответный удар. Когда линия разомкнется, на середину выйдут фракийцы, каспии, фригийцы, лидийцы... Гобрий не в состоянии запомнить все племена пестрого воинства, такого охотного к грабежам. Чтобы эти горе-воины не дрогнули в решающий момент, за ними будут стоять ряды саков.

Царь Дарий с Видарной и десятью тысячами бессмертных остались возле высокого шатра. К ним присоединился и Гобрий, когда все войско построилось к бою. Теперь слово за

Дарием. Он стоял в колеснице понурый, невыспавшийся.

– Начали! – хрипло бросил царь Гобрию, как будто первой схватки и не было.

Хорошо сверху видно, как оба войска медленно двигались навстречу друг другу, подымая пыль и вытаптывая пожелтевшую траву осенней степи.

Между передними линиями осталось около пятисот шагов, когда среди скифов на левом фланге поднялась суматоха. Ряды их смешались. Даже до шатра долетали приглушенные расстоянием крики.

– Что там творится? – обратился к придворным Дарий.

Сотни бессмертных полетели к войску. Все молча, обеспокоенно ждали их возвращения. И вот бессмертные доложили, что в ряды скифов вскочил испуганный заяц. Копьеносцы на правом фланге хорошо его видели. Заяц проскочил первый ряд, его заметили скифы, бросились с криками ловить, нарушили строй, к пехоте присоединились всадники. Так доложили царю.

– Эти люди совсем пренебрегают нами, если так легкомысленно ведут себя перед боем, – выдохнул Дарий и потянулся к уху. – Ты, Гобрий, верно растолковал значение даров...

– Эти грязные скифы погубили чистую тварь³⁴, – добавил Барт. – Нечистые взяли верх над чистым, очень плохой знак, царь.

---

³⁴ Заяц, по верованию древних персов, считался «чистой» тварью.

Гобрий был озадачен. Скифы сбили с толку даже его, старого и многое повидавшего. Он ежеминутно ожидал от них новой пакости и поэтому решил быть осторожным, не бросать сегодня все войско в дело... Чтобы не попасться в западню.

Бойцы передних рядов сошлись на расстояние полета стрелы, воинственные крики понеслись над степью. Дарий и его свита видели, как приближались скифы, как выходили из безбрежной степи их многочисленные отряды. И теперь, наблюдая все это, ни Гобрий, ни Дарий, ни даже Барт и Видарна – никто не говорил о победе. У каждого крепко засели слова об убитом скифами зайце.

– Надо все хорошо обдумать и все предусмотреть, чтобы иметь возможность своевременно возвратиться к мосту, – молвил Дарий, будто забыл, что срок, назначенный грекам, давно прошел.

А битва между тем разворачивалась, как и задумал Гобрий.

Пехота скифов столкнулась с копьеносцами, после короткой стычки копьеносцы отошли на фланги. Тогда скифы схватились с теми «воинственными» племенами, которые Гобрий не ставил ни во что. Как он и предполагал, скифы мигом смяли их, но вперед не двигались. Они разгадали хитрость персидского военачальника – увидели знакомые шапки саков за линией копьеносцев.

Оба войска топтались на месте, беспокоясь больше о на-

дежной обороне, чем о рискованном наступлении. Все понимали, что сегодняшнее – только начало большой битвы. Надо думать о завтрашнем дне. Слова Дария о возвращении к мосту не забывались персидскими военачальниками.

– Вызвать на помощь греков, – предложил Видарна.

– Видит бог, что ничего глупее нельзя придумать, – со злостью бросил Барт.

– Конечно, не стоит оставлять мост без охраны, да и те шесть тысяч гоплитов мало чем помогут, – тихо, как будто про себя, молвил Гобрий.

Гобрию, конечно, очень хотелось напомнить всем о совете в Сузах, когда он да еще брат царя возражали против похода, а все остальные только то и делали, что хвастались силой и могуществом. Но такое напоминание сейчас вызвало бы только взаимные упреки и вражду.

– Думаю, когда настанет ночь, – сказал Гобрий, – мы зажжем костры, оставим здесь больных и раненых, свяжем ослов, чтобы громче ревели, и отойдем. Надо сделать это сегодня же, чтобы скифы не успели добраться до Истра, разрушить мост или столкнуться с греками.

С ним согласились все.

Наконец этот долгий для персов день вступил в свою последнюю четверть. Все так же вяло проходили отдельные стычки.

Но вот скифы начали бить в медные диски, и их воины, которые разрозненными отрядами вели перестрелку или ру-

бились, начали выходить из боя. В этот момент Гобрий крикнул Гаусане передать приказ пешим копьеносцам снова сомкнуться в центре и хоть напоследок попробовать окружить передовые скифские отряды.

Такие приказы Гаусана выполнял охотно. Он скомандовал, и застоявшиеся кони помчали всадников. Копьеносцам тоже надоело сидеть в обороне. Совсем неожиданно для скифской конницы они двинулись с флангов, отсекая пеших скифов от конных.

Линия фронта стала подобна натянутому луку, в котором копьеносцы были тетивой, а в пространстве между тетивой и луком осталось несколько тысяч пеших скифов. Туда и бросился Гаусана с отрядом. Бессмертные летели на скифов, клюги копьев блестели в красном вечернем солнце.

Гаусана, разгоряченный боем, сразу не почувствовал удара в левое плечо: стрела. Он попробовал вытащить ее правой рукой, переложив меч в левую. Но стрела не поддавалась, и Гаусана отломил ее возле самого острия, но так, чтобы можно было потом вытянуть.

И в тот момент, когда правая рука освободилась, на него наскочил огромный скиф с секирой. Скиф держал ее за длинную ручку и целился прямо в голову. Гаусана успел уклониться, и секира попала в правое плечо, перебив ключицу. Сотник застонал и сполз с лошади.

...Остатки окруженных скифов, прорвав линию копьеносцев, под прикрытием лучников Скопасиса отходили в

сторону лагеря.

Зашло солнце. Сумерки окутали оба войска. Вспыхнули костры. Персы и скифы выносили с поля боя убитых и раненых.

После краткого совета в узком кругу Дарий призвал к себе вождей и родоначальников племен и предложил новый план: он сам с латниками, копьеносцами, бессмертными, мидийцами и саками, с отрядами бактрийцев, армян и парфиан отойдут от лагеря в обход скифов, а остальные останутся здесь до утра. Раненым, больным и части обоза приказано спрятаться за насыпью, их будут охранять оставшиеся воины, если скифы попытаются прорваться в лагерь. Утром же основное персидское войско во главе с Дарием нанесет удар скифам в спину.

Оставленные в лагере связанные ослы подняли рев, и этот привычный шум и пылающие костры показывали скифам, что враг на прежнем месте. А основная часть войска персов неумоимо двигалась на юг к Истру, чтобы поскорее достичь спасительного моста и оставить эти проклятые земли. В обозе Видарны ехала ни о чем не подозревающая старшая служанка Тия, уверенная, что, как только они остановятся на ночлег, Гаусана позовет ее к себе.

Когда же наступил день и отряды скифов двинулись на лагерь, оставшиеся увидели свое бессилие и поняли, что брошены на произвол судьбы. Пали они перед скифами ниц в желтую степную пыль, умоляли о милости и вопили о ковар-

стве своего царя...

...Гаусана в беспамятстве лежал под кибиткой. Здесь оставили его вечером, после боя.

Сотник бессмертных раскрыл глаза, но не увидел над собой неба, и тогда он перевел взгляд на себя, на свое тело, на измятый оранжевый плащ в крови и пыли. Рядом истоптанная голая земля. Наконец понял, что лежит израненный под возом, и тут же совсем близко послышался крик.

Сотник бессмертных со стоном перевалился на бок, и последнее, что он увидел в своей жизни, был молодой русоволосый скиф с бородкой.

Тот деловито вытянул сотника бессмертных за ногу, коротким ударом меча отрубил голову. Потом вытер окровавленный меч о грязный оранжевый плащ сотника.

В тот же день царь Иданфирс приказал авхатам стеречь пленных. Всем остальным кратчайшим путем двинуться к Истру.

– Мы опередим персов и станем спиной к реке. Слева агафирсы, справа Понт Эвксинский. Греческий флот уже ушел: ведь шестьдесят дней минуло. Дарий вынужден будет принять бой.

Как ни спешили сколоты за персами, но прежде необходимо было предать земле погибших, позаботиться об их погосторонней жизни. Край мертвых Герр далек отсюда, и довелось хоронить сколотов в этих землях. Ни селения вокруг, ни засеянного клочка земли – степь ковыльная с широкими

залесенными балками. И чтоб не надругались чужие люди над сколотами, тела их решено было предать огню.

Когда огонь над сотнями могил стал ослабевать, землей засыпали погребальные костры. Стелился дым над степью, над свежими курганами. Сколоты выпили по чаше вина, и каждый воин стал обеими ногами на свой меч. Чтоб живым быть сильными и выносливыми, как это закаленное в боях железо.

И помчалось войско Иданфирса вслед за персами. Обошло стороной Дария и поспешило к Истру. С раннего утра до поздних сумерек летели всадники, отдыхая в коротком сне. Прибыли в долину Истра, поросшую высокими, опутанными травами, раскидистыми вербами и осоками.

Греки, заметив скифов, бросились разбирать мост. Мелькали вишневые хитоны Продика и его подручных, развязывающих крайние плоты, на берегу суетился Гистией. Он заверил Скопасиса, что к завтрашнему дню моста не будет. Теперь Гистиейю легче управлять греками. Прошла неделя, как уплыл в Херсонес Мильтиад со своими триерами.

Успокоив скифов, глядя, как поворачивает их войско назад искать Дария, Гистией собрал греческих тиранов.

– Наконец боги Олимпа смилостивились над нами! Персы больше не угрожают нам, – с восторгом воскликнул рыжебородый Продик.

Все закивали в знак согласия и выжидательно смотрели на Гистиея. Он хмурился:

– Вы рано торжествуете. Дарий еще не разбит. А будь и разбит, это не должно радовать вас. Я удивляюсь вашей легкомысленности! Большинство из вас прожили долгую жизнь и могли набраться больше мудрости! Но видит Зевс, радоваться нечему! Тем более нам, тиранам греческих городов в Азии.

Гистией умолк, ожидая, пока все будут готовы воспринять его слова. Встал и прошелся по кругу.

– Нечего радоваться поражению Дария. Разве не благодаря царю Персии, его могуществу и силе каждый из нас правит в своем городе? И если Дарий падет, демократы сразу же выгонят меня из Милета. И каждого из вас тоже выгонят. Поэтому мы должны сделать все, чтобы помочь Дарию, а значит, самим себе! Помозгуйте над этим, славные мужи.

Тогда решили: со скифами не ссориться и делать вид, что разрушают мост. Но разобрать его только с этого берега, чтобы скифы не додумались силой перебраться через реку.

А гончар Диамант не мог оторвать глаз от моста, хотя Теодор торопил его. Диамант шевелил губами, руки его что-то искали. Сполз на животе с лошади, щепкой провел на мокром песке несколько линий. Теодор наблюдал за ним. Коснулся плеча товарища.

– Мост, – только и проговорил Диамант.

– Тебя ждет мастерская, Диамант. А меня – лавка.

– Мост! Я открыл тайну пространственного изображения. Глянь, Теодор! Колоды моста одинаковые, но когда смот-

ришь отсюда... Видишь, вон те линии моста, сходящиеся вдали? В их уменьшении секрет рисунка. Глубина и простор подвластны теперь мне. Тень Орфея открыла мне эту тайну, друг Теодор!

– Ты поедешь со мной, Диамант? – тихо, но настойчиво повторил купец.

– Ты собираешься в Ольвию? – спросил Диамант, оставив свой рисунок на песке. – Ты не хочешь видеть последнего действия этого представления?

– Я хочу сберечь свою голову. Слушай, друг мой Диамант, мы приобретем добрых лошадей и, когда все утихнет, вновь пустимся в путешествие по Скифии, доберемся до богатой Неврии.

– Нет, Теодор! Я хочу увидеть Дария. Мои вазы и амфоры украсит рисунок: связанный Дарий плетется за скифским конем. А? Неплохо? Скажи всем ольвийцам, что я овладел пространством! Эврика! Боги возвратили мне секрет, когда-то отнятый у людей! Афины, вся Эллада – все будут требовать мои амфоры и вазы!

Гобрий боялся затянуть переход и потому вел персидское войско прежней дорогой, которой шли от Истра на восток свыше трех месяцев тому назад. Вытоптанная осенняя степь, без травы и воды. Измученное войско гнало голодных лошадей, дозорные с нетерпением посматривали вперед, где вот-вот должны были показаться плавни Истра.

Наступила ночь, когда головные отряды вышли на берег и увидели опустевшее скифское стойбище. Это насторожило всех. Но страшнее всего было то, что мост исчез. Где-то там, на противоположном правом берегу, горели костры, а здесь, на левом, черная ночь сползала в темную воду, и вытоптанный камыш подтверждал, что войско скифов только что ушло.

Когда Гобрий возвратился к Дарию, он застал среди придворных растерянность и страх. Все смотрели на Гобрия.

– Царь, вели глашатаю-египтянину, пусть попробует позвать греков.

И вскоре зычный голос раскатился над Истром и потонул в воде и мраке. Трижды кричал глашатай, и трижды после этого замирало все. Будто и не было на берегу многих тысяч людей.

Но вот из темноты вынырнул силуэт триеры, потом второй, и к Дарию уже спешит Гистией.

Царь первый ступил на корабль. На кратком совете решено немедленно, как только начнет светать, восстановить разобранную часть моста. Когда же наконец триера отчалила от левого берега, Барт, трясая своей козлиной бородой, закричал в темноту, в небо, в степь:

– Пусть будут прокляты скифы, это порождение Анкраманью! Пусть злые духи уничтожат их скот и пусть сгинет на веки их род!

Крик Барта сорвался и перешел в свистящий шепот:

– Я говорил, я говорил, что надо разрушить все капища иноверцев! Мы сделаем это по всей Персии, как только вернемся. Ты не откажешь мне в этом, о, царь! Лишь так мы сможем выполнять заповеди великого учителя Заратустры, и это принесет нам победу.

Дарий же, слушая захлебывающийся шепот Барта, вспомнил нелепый случай в Вавилоне после подавления восстания. Там, над воротами, была гробница прославленной жрицы. О сокровищах гробницы ходили слухи. Но самое удивительное, что гробницу никто не трогал, хотя стражи при ней не было. Только непонятная подпись: «Если кто-нибудь из вавилонских царей будет иметь нужду в деньгах, то пусть откроет гробницу и возьмет сколько пожелает. Но лучше не трогать ее вовсе».

Когда по приказу Дария открыли гробницу, то нашли скелет и подпись, которая гласила: «Если бы ты не был столь алчным, то не разорыл бы чужих убежищ...»

Триеры, скрипя веслами, покидали враждебный берег. На одной из них курчавобородый Коэс нетерпеливо ходил по палубе, ожидая встречи с Дарием. Коэс торжествовал, что вышло по его. Мост таки пригодился. Как только триера уткнется носом в спасительный берег, он бросится к Дарию и напомнит царю о награде.

Когда остатки моста и пожелтевшие плавни Истра исчезли за спинами сколотов, перед всадниками раскинулась широкая степь. Где-то в ней затерялись персы. Между Поратой и Понтом лежали земли на тысячу стадий, и персидские войска могли проскользнуть незамеченными.

Здравый смысл подсказывал, что персы должны были держаться ближе к Порате, где была свежая трава и много мелких притоков.

– Да, – оказал Иданфирс, – только неразумный человек может пойти прежней дорогой, где его скот все уже съел.

И лишь один Скопасис не разделял мнения остальных. Он предлагал растянуть войско на всем пространстве между Поратой и Тирасом, перекрыть персам все возможные пути. Но даже старейшина его племени Басадос был против этой затеи: нельзя распылять войско, в решающий момент оно должно быть под рукой Иданфирса, собранное в единый кулак. Иначе Дарий прорвет растянутую сколотскую линию.

И скифы круто повернули левее старой дороги.

Но проходит день, второй, а персов нет. На третьи сутки скифы поняли, что разминутись с Дарием. Повернули лошадей к Истру. Цари сколотов громко насмеялись над глупостью Дария, повернувшего на старую, голодную дорогу. Но про себя удивлялись его дальновидности, несомненно, наве-

янной богами, и тревожились. А Скопасис всем видом напоминал о своем отвергнутом плане...

На Истре сколотов ожидали лишь табуны покинутых ослов и мулов. Мост колыхался на волнах, завязнув в плавнях, а дальний его конец, уже разобранный, расползлся по течению. На противоположном берегу никаких признаков жизни.

– Где персы? – не веря своим глазам, вопрошал Басадос.

Иданфирс сжался, недобро взглянул на Скопасиса – ведь это он договаривался с греками. А тот ответил не менее злобыным взглядом.

– Я сам видел, как греки разбирали мост... – растерянно молвил Басадос и запнулся.

Все молчали. Воины деловито сновали по берегу, надеясь чем-либо поживиться после персов и греков.

– Послать за авхатами и пленными. Пусть пригонят их сюда. Каждого десятого мы принесем в жертву Мечу. Возрадуется праотец наш Папай и богородная дочь Борисфена Апи, всеблагая Табити, непобедимый Фагимасад. Пусть веселятся тени предков наших! Остальных пленных ослепить! – кончил Иданфирс.

На какой-то миг наступило молчание, вызванное удивлением. Ведь по обычаям сколотским в жертву Мечу приносился один из сотни пленных.

– Как, всех ослепить? – вырвалось у Басадоса.

– Да, старейшина катиаров. Я хочу угодить богам. А еще

поставим на пепелище огромный бронзовый котел, который выплавим из наконечников стрел наших. Пусть каждый воин принесет одну стрелу. И умельцы по металлу и камню – траспы – пусть останутся здесь и выплавят этот котел. А на страже пусть поставят каменного воина-сколота. Чтоб все в этом воине было, как у нас с вами – у вольных сколотов. И гривна на шее, и вышитая сорочка виднелась из-под куртки, и пластинчатый пояс, и боевой акинак на нем, и топорик, и рог в руке. Вы поняли меня, траспы? Чтобы дети и дети наших детей помнили победу нашу.

– О, не беспокойся, царь! Воин-сколот будет как живой. И простоит здесь тысячу весен, – ответил каменотес-трасп.

– Надо ли ослеплять пленных? – обводя всех бесцветными глазами, спросил Басадос. – Боги будут иметь богатую жертву. Могилы предков наших мы оборонили. Ослепленные пленные – это не рабы.

– Старейшина Басадос много послужил родам сколотским в набегах на тавров, в походе на Фракию, а еще в других битвах. Пусть простят ему боги эти слова, – раздраженно сказал Иданфирс. – Будет так, как я хочу. Так хотят и цари сколотские. Верно ли я говорю, брат Скопасис, старейшины родов сколотских?

– Верно и правдиво говоришь, царь. Каждого десятого принести в жертву, а остальных – ослепить!

Басадос незаметно выехал из круга.

А гончар Диамант искал глазами триеры, но не увидел ни

одной.

– Ионийцы! – крикнул, приложив ладони ко рту. Но порыв ветра утопил его крик в Истре.

Поднял черепок. На осколке рисунок: Геракл побеждает льва. Опустил черепок в воду, неподвижно смотрел на раздерганный мост. Арфа Орфея молчала в его душе. И не было ни одного звука, хотя берег Истра кипел вокруг людской суетой и криками. Уехать бы ему с Теодором в Ольвию и не видеть сегодня этого моста...

– Греки не пожелали свободы, а она давалась им так легко.

Поникнув, поплелся к коню. Чья-то тень стала на пути. Поднял глаза и, узнав старого катиара, вздрогнул, побледнел.

– Я помню тебя, – сказал Басадос. – Ты говорил, что ионийцы освободят мир от Дария. И боги ваши видели, как ионийцы спасали Дария и не поразили их громом?

Диамант молчал.

Через несколько дней в степи за клубилась пыль. То авхаты гнали пленных. Желтые и синие плащи, красные хитоны, шелковые подвязки, яркие ленты в волосах, кожаные пояса, накладные бороды – все это превратилось в грязное, серое тряпье, в скрученные веревки и клочья шерсти. Тысячи пленных стояли, сидели, лежали в открытом поле под жгучими лучами солнца.

По лагерю савроматов разъезжал Аспак. На уздечке лошади трепыхались три кожаных платка и за седлом висели три чаши-черепа.

Аспак объехал стойбище савроматов. Вспоминал, какой масти конь Опии, и осматривал табуны. Хотел расспросить савроматов или бородатых воинов-савроматов, но не решился.

Придержал коня вблизи стоянки царицы Паты, всматривался – не выскочит ли из белой высокой палатки Опия? Он все еще надеялся найти ее.

В палатке, закрытой от чужого глаза занавесом, прихорашивалась царица Пата. Хотела сегодня Пата понравиться Скопасису. За этими гонками, за ежедневными тревогами некогда было и нежным словом обмолвиться с ним. Суриком покрывала щеки и уста, белилами – лоб и нос, углем – брови и мочки ушей. Подавала ей полненькая востроглазая девушка. Хотя не умела она так досмотреть лошадей Паты, как чернявая Опия, но царица была довольна новой слугой – ее усердием и учтивостью...

А царь Скопасис, напрягшись, сидел на своем боевом коне и смотрел на шатер Иданфирса. Вот-вот оттуда должен выехать Иданфирс со священными реликвиями. И когда их положат возле храма Мечу, тогда из рядов выедет он, Скопасис, царь катиаров. Приблизится к неприкосновенным реликвиям, возьмет их в руки. Он расскажет старейшинам паралатов, катиаров, траспов и авхатов о том, что нынешней ночью на привале к нему явился сам Папай. Да! Как только он прилег, огромный, кряжистый бог Папай вырос из темноты и направился к Скопасису. Вначале он принял бога за

старое ветвистое дерево, но потом разглядел руки с корявыми пальцами, а у ног Папая – трех волчиц. Папай остановился над распростертым на кошме Скопасисом и растопырил пальцы-сучки. На землю высыпались золотые плуг, ярмо, топорик и рог... Лица Папая так и не разглядел Скопасис, но хорошо помнил, как выжидательно горели волчьи глаза на уровне щиколоток бога.

Он скажет старейшинам родов, как несколько дней тому царь Иданфирс и все не послушали его. А послушай они Скопасиса, царь Дарий томился б сейчас под огромным стогом хвороста! А если упрямый Иданфирс воспротивится и станет говорить, что спокон веков только паралат водит сколотов в бой, тогда Скопасис обнажит свой меч и заставит сделать то же Иданфирса. Пускай перед храмом богам и Мечу решится, чья жизнь угоднее Папаю и Апи, Фагимасаду, чей домашний очаг дороже Табити!

И вот в долине Истра раздался многоязычный галдеж.

От шатра ехал Иданфирс. На боку висел золотой колчан с луком и стрелами, с другой стороны – меч, который освятит кровь пленных. Вслед за Иданфирсом слуга вез дары богов сколотам: золотые плуг, ярмо, топорик и рог.

А навстречу, сливаясь в сплошной гул, неслись крики – тысячеголосая мольба пленников.

Київ, 1970 – 1976 зз.